

83.3р1-8
Е70

ПЁТР ЕРЕМЕЕВ

Пушкины и Арзамас

Александр Пушкин

200-летию
со дня рождения
А. С. Пушкина
посвящается...

00 10

83.3pl-8
E70

Петр ЕРЕМЕЕВ

408140-22

Пушкины
и
Арзамас

г. Арзамас, 1999 г.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ЕРЕМЕЕВ

ПУШКИНЫ И АРЗАМАС

408140-22

ISBN

частное
приятие

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР №062510
607220, Нижегородская область,
г. Арзамас, ул. 50 лет ВЛКСМ, 28

В АРЗАМАССКОМ УЕЗДЕ, В ЗАЛЕССКОМ СТАНУ

«**Р**од мой один из самых старинных дворянских, имя предков моих встречается поминутно в нашей истории», — так с гордостью писал Александр Сергеевич Пушкин.

И действительно, род Пушкиных — это многие и многие славные страницы бурной летописи Отечества.

Родословие Пушкиных начинается так: «Во дни благоверного Великого князя Александра Невского приехал из немец честен муж именем Ратша... А у Ратши сын Якун, а у Якуна сын Алекса...»

Теперь-то ученые установили, что Ратша жил значительно раньше, в XII веке, был родом из Сербского королевства и служил у великого князя Киевского.

Только в седьмом колене славного рода появляется имя Григория Пушки, что жил в начале XIV века. Вот от него-то и пошла фамилия Пушкиных.

В течение более пяти веков мятежные Пушкины держали в руках оружие. Но потомки Григория Пушки дали России не только суровых воинов, а и дипломатов, государственных мужей, инженеров, блестящих деятелей национальной культуры. Недаром поэт с глубоким уважением относился к своим предкам, с понятной теплотой поведал о них в «Моей родословной», заявил, что они отличались «в войне и совете».

«Пушкины не гонялись за быстрыми и ненадежными успехами и не пользовались тяжелым положением Родины для личного обогащения... не поддавались соблазну схватить что-нибудь не по своей мере. Большой груз... твердых понятий о чести рода придавал поведению Пушкиных в бурных событиях тяжеловесную устойчивость... Все они старались быть достойными представителями своего рода», — пишет историк С. Веселовский.

Род Пушкиных издавна связал свою судьбу и с Нижегородским краем.

В далеком 1377 году впервые появился на мордовской земле с дружиной боярин Федор Андреевич Пушкин, по прозвищу Свибло. И, как говорит летопись, «сотворя ее пусту».

А было так: монголо-татарские силы, а с ними и подневольная мордва в 1375 году налетели на земли Нижегородского и Рязанского княжеств, разгромили нижегородский сторожевой пост в Запьяне. Создалась угроза Нижнему Новгороду. Нижегородцы просили заступы у Москвы. Тогда-то и явился на выручку великий князь Дмитрий Иванович с войском. Татарский царевич Арапша побаивался русских и не спешил навстречу. Вели-

кий князь вернулся в Москву, оставив рать во главе с воеводой Федором Пушкиным. Он-то и прошелся по мордовской земле...

Первым из Пушкиных, кто пустил корни в обширном Арзамасском уезде, в Залесском стану значится боярин Ефетафий Михайлович Пушкин. Ему, участнику Лифляндского похода, осадному воеводе Смоленска, послу при переговорах со Стефаном Баторием, были жалованы еще Иваном Грозным в 1585 году в поместье небольшая деревня Болдина и 120 четвертей земли под «большим мордовским черным лесом».

Насельники Болдиной в те поры пахали землю да занимались бортничеством — в Арзамасском уезде собиране меда диких пчел было важным промыслом.

Третьего из рода Пушкиных в Арзамас привела военная дорога в Смутное время.

Григорий Григорьевич, по прозвищу Сулемша, рано возмужал в ратном деле. В 1571 году ходил воевать Крым, в следующем году уже сражался против шведов, помогал Ивану Грозному усмирять вольнолюбивый Новгород, был в полону у поляков. В 1591 году значился головой у литовских людей...

Н. М. Карамзин в своей «Истории» упоминает боярина Г. Г. Пушкина в числе воевод, верных незадачливому царю Василию Шуйскому. Бунт сторонников Лжедмитрия II против царя принял широкий размах, захватил большое число городов. Историк пишет: «Худые вести одна за другой встревожили Москву. В Калужской и Тульской областях новые шайки скопились и заняли Тулу. Бунт вспыхнул в уезде Арзамасском и Алатырском...»

В летописи того времени «Карамзинский хронограф», автором которого считается арзамасский помещик Баим Болтин, сказано: «Того же 115 году от царя Василия посланы воеводы Григорий Григорьевич Пушкин да Сергей Григорьев, сын Ододуров, а с ним ратные люди володимерцы, суздальцы, муромцы, а велено им итти на Орзамас и на Олатырь, что те города с уездами были в измене, от царя Василия отложилися... А Нижний Новгород стоял за царя Василия, от воров от русских людей был в осаде...»

В январе 1607 года «князь Иван Михайлович Воротынский град Арзамас взял».

Позже в Арзамасской крепости появился — опять-таки бывалый воин, воевода городов Тобольска, Вологды, Владимира-на-Клязьме — Никита Михайлович Пушкин.

В феврале 1617 года стольник Никита Михайлович по цареву указу послан в Арзамас воеводой.

*Церковь Успения в селе Болдино. Заложена дедом поэта Л. А. Пушкиным.
Построена в 1790—1791 годах.*

*Смирив крамолу и коварство,
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.*

В «Моей родословной» поэт имел в виду воеводу Федора Семеновича Пушкина. Он-то и подписался под народной грамотой об избрании Михаила Романова на царство в 1613 году. Этот боярин был жалован в Московском и Арзамасском уездах землей в 197 четвертей.

В 1619 году Болдино — владение Федора Федоровича Пушкина, по прозвищу Сухорук. Он обрел село уже в вотчину, что давало боярину право передавать его по наследству.

Известна гражданская биография этого Пушкина. Казалось бы, кануло в Лету страшное Смутное время, когда поляки дважды пытались посадить своих ставленников на русский престол. Но вот летом 1618 года к Москве подошли польско-литовские рати во главе с претендентом на русский царский трон — Владиславом. В ночь на 1 сентября в Москве, в районе Арбатских и Тверских ворот Белого города, произошел жестокий бой. Немало

врагов полегло, остальных захватчиков отогнали от Москвы, поляки пошли на перемирие... В бою за Москву и отличился Федор Федорович.

В Арзамасском уезде, как это видно из писцовых книг 1621—1623 годов, стольники Григорий и Степан Гавриловичи Пушкины имели поместья при деревнях Страховой Пузе и Крюковке. Позднее, в 1694 году, селом Пузою владел сын Степана Гавриловича стольник Матвей Степанович Пушкин.

Кроме Болдина, род Пушкиных в XVIII веке владел большими землями в Лукояновском и Сергачском уездах.

И еще один Пушкин из тех, кто непосредственно был связан с нашим городом. В 1676—1677 годах в Арзамасе «нес полковую службу» Борис Андреевич Пушкин.

В 1741 году Болдино переходит ко Льву Александровичу Пушкину. А после него село наследуют его дети Василий, Елизавета и Сергей. В 1795 году между ними произошел раздел, и родители поэта получили восточную часть Болдина.

После гибели Александра Сергеевича и смерти его отца Сергея Львовича село принадлежало брату поэта — Льву Сергеевичу. Он умер рано, в 1852 году.

Большое Болдино. Дом-музей А. С. Пушкина.

В 1866 году Болдино принял его двадцатилетний сын, Анатолий Львович, который переехал сюда на житье, чтобы поправить дела уже сильно пошатнувшегося имения. Кистеневка — соседнее сельцо — досталось в наследство детям поэта.

Последним наследником села Болдина был Лев Анатольевич Пушкин. В 1911 году он продает казне остатки земли и усадьбу.

...Каждый из Пушкиных, кто наследовал отчую землю, бывал в своем нижегородском имении, проезжал через Арзамас. И среди них в 1830, 1833 и 1834 годах по делам Кистеневского имения — поэт Александр Сергеевич Пушкин.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

В кругу старших, из воспоминаний о былом, Саша Пушкин рано узнал о славных деяниях своих предков, о том, за что и чем жаловали великие князья и венценосные цари Пушкиных — за верную службу русскому государству. И рано в память мальчика запали слова о вотчинных землях в Нижегородской губернии, в Арзамасском уезде.

Приглядимся к жизни Александра Пушкина, к формированию его личности, к летописи его творческого становления и мы тотчас увидим, что с Арзамасом он познакомился задолго до прибытия на нижегородскую землю.

Еще мальчиком слышит Саша рассказы отца Сергея Львовича о грозном 1812 годе, о хлопотной службе родителя по провиантской части.

Да, война заставила служить каждого, кому было дорого родное Отечество. С. Л. Пушкин назначается советником при Комиссариатской комиссии, что организовывала снабжение резервной армии. Не без стараний военного советника перевозятся в Нижний Новгород большие запасы военного имущества из Москвы, которой угрожает вражеское вторжение.

На 1700 подводках и на 23 барках отправлено было «все нужнейшее» из армейских складов в Нижний.

Нижегородские резервные силы создавались в Арзамасе. По делам службы бывал здесь и Сергей Львович. Направлен он был сюда 11 декабря 1812 года. В командировочном документе С. Л. Пушкина сказано: «...направляется военный советник Пушкин с крупной суммой денег для организации отправки военных обозов». Части резерва получали от Сергея Львовича обмундирование, кожаные ранцы, английские ружья и патроны. 24 декабря советника повышают в должности, он уже управляющий «Комиссариатской комиссией». Документы отмечают разные трудности в деятельности чиновника Пушкина — плохие дороги, недостаток повозок даже возчиков. Обязанностью Сергея Львовича было и открытие временных госпиталей для раненых воинов. Один из таких госпиталей открыли и в Арзамасе. Только в 1814 году отца поэта переводят на другую службу. В 1817 году, когда сын оканчивает Царскосельский лицей, С. Л. Пушкин выходит в отставку.

Что же мог поведать отец сыну об Арзамасе недавней военной години?

Рассказывал, каких жалких доставляли в город пленных штаб-офицеров французской армии, какие страшные мучения испытывали раненые русские воины, коих привозили на телегах из пекла Бородинского сражения...

Яркой, суровой входила в сознание, в память юного поэта первая Отечественная война. Но и по сбивчивым, иногда, рассказам родителя сразу

угадывалась, виделась ее главная тональность: деятельный, небывалый всплеск русского патриотизма.

Уж никак не забыл, передал Сергей Львович сыну вот такие стихотворные, родившиеся, как говорили, в Арзамасе строки:

*Барклай де Толли,
Не ретируйся боле.
Прибыл Кутузов
Бить французов.*

...Все церкви с раннего утра и до позднего вечера в тот грозный год были отверзты — духовенство служило молебны о даровании Победы русскому оружию. Но арзамасцы не только уповали на Бога — они собрали крупные суммы денег на нужды войны, вместе с выездновцами послали на поля сражений около двух тысяч воинов, которые потом, в составе армии генерала Бенигсена, приняли участие в боях с французами. Нижегородцы брали город Дрезден...

Арзамас. Соборная площадь.

Наверняка рассказывал родитель живому, впечатлительному мальчику, каким волнующим часом был для всех арзамасцев тот, когда производили смотр нижегородцам перед отправкой их в действующую армию. Смотри принимал генерал князь Лобанов-Ростовский, начальник пехотных формирований народного ополчения. Среди прочих военных чинов под боевым знаменем, а оно было изготовлено в художественной школе академика Ступина, стоял начальник Арзамасской дружины майор Федор Стремоухов. Последним, с надеждой, провожали из города на театр военных действий Уфимский гусарский полк...

И уж, конечно, советник С. Л. Пушкин рассказывал сыну, как он охотился горячими словами арзамасских и выездновских сапожников шить поболе сапог для ополченцев, что уходили на защиту Отечества.

К отцовским воспоминаниям прикладывались рассказы и дядюшки Василия Львовича. Это он, что называется, свел юного племянника с обитателями поэтического Парнаса. Недаром Александр Сергеевич называл брата родителя лестным определением: «Парнасский мой отец».

Известный стихотворец начала XIX века, любимец литературной Москвы, он оказался в 1812 году на берегах Волги. Василий Львович едва успел покинуть первопрестольную, все его имущество и большая ценнейшая библиотека погибли в страшном пожаре Москвы.

Довел до сведения племянника дядюшка, что в Нижнем Новгороде оказались многие москвичи. После издатель журнала «Русский вестник» С. Н. Глинка напишет: «Казалось, что все поприще московской словесности переселилось в Н. Новгород. Действительно, здесь нашли радушный приют историограф Н. М. Карамзин, начальник архива министерства иностранных дел Д. Н. Бантыш-Каменский, историк А. Ф. Малиновский, поэт К. Н. Батюшков, С. Н. Глинка, Ю. А. Нелединский-Мелецкий и другие.

Вспоминал Василий Львович о памятной войне, читал свое стихотворение «К жителям Нижнего Новгорода», в котором выразил свои горячие патриотические чувства и ненависть к Наполеону — поэт встречался с ним в Париже в 1803 году, когда тот был еще первым консулом.

*Примите нас под свой покров,
Питомцы Волжских берегов!
Погибнет он! (враг — П. Е.).
Москва восстанет!
Она и в бедствиях славна:
Погибнет он!
Бог Русских грянет!
Россия будет спасена.*

Неуклонно входил городок Арзамас в сознание юноши. Знаний о нем, несомненно, добавилось после того, как Александр сам стал «арзамасцем».

Литературная жизнь обеих русских столиц была в начале прошлого века напряженной. В жарком и принципиальном споре карамзинистов и шишковистов определялось: как пойдет далее развитие отечественной словесности. Карамзинисты заявили себя сторонниками европейской культуры слова и в этом плане поднимали свежие темы, образы, основы жанра — естественно, на измененном русском литературном языке. Особое внимание уделялось французской салонной культуре и литературе, для оценки поэтических строк брались во внимание критерии вкуса.

Адмирал и тогдашний президент Российской академии наук, высокообразованный человек, ученый, его сторонники, объединившиеся в обществе «Беседа любителей русского слова», ратовали за самобытность развития глубинных русских начал жизни вообще. Все это опиралось на возросшие патриотические чувства, вызванные войной против французских захватчиков.

23 сентября 1815 года в Петербурге поставлена комедия князя А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды». Коротко сказать, автор комедии в образе балладника Фиалкина высмеял поэта В. А. Жуковского, который состоял в «Арзамасе». А в комедии «Новый Стерн» высмеивался и сам Н. М. Карамзин. Обе комедии имели у зрителей шумный успех.

В. А. Жуковский, конечно, огорчился представлением «Липецких вод». Друг его Д. Н. Блудов тут же написал «Видение в Арзамасском трактире», где тяжеловесным, едва ли не старославянским языком говорил о литературе некто — читай князь Шаховской.

Отчего же «Видение» связано с городом Арзамасом? Незадолго до этого Д. Н. Блудов совершил вояж в Оренбургскую губернию и проездом останавливался в Арзамасе. Тут, на постоялом дворе, он и стал свидетелем того, как некие молодые «безвестные» люди, сидя за столом, толковали о литературе. Настоящий факт и послужил в кругу молодых насмешливых литераторов основой для заголовка памфлета и названия литературного кружка «Арзамас».

Впрочем, есть и еще одна основательная версия объяснения названия литературного содружества. Известный в свое время библиофил М. Д. Дмитриев в своих воспоминаниях «Записки из запаса моей памяти» писал так:

«Воспитанник Петербургской академии художеств живописец Ступин переехал в Арзамас, где основал школу живописи. Члены будущего Арзамасского общества «безвестных людей» назвали ее Арзамасской Акаде-

мией и в подражание учредили в Петербурге «Арзамасское общество».

После памфлета Д. Н. Блудова, как писал в частном письме В. А. Жуковский, и началась «страшная война на Парнасе».

Под громким и сатирическим натиском, виртуозным искусством пародии и острых язвительных тирад противников «Беседа» скончала свои дни в 1816 году. «Арзамас» прекратил свое существование в 1818 году, отчасти и потому, что многие его члены уехали из Петербурга.

Что же добавил юный поэт к знаниям об Арзамасе, будучи сам уже привлеченным в кружок, в котором он получил прозвище «Сверчок» — прозвище, заимствованное, как и всеми «арзамасцами», из баллад В. А. Жуковского. «Западники» все были молоды, обладали даром веселого дружеского общения, они и заседания-то кружка превращали иногда в искрометную буффонаду.

«...Василья Пушкина избирали старостой «Арзамаса». После того, как он поразил в комнате стрелой из лука некое безобразное чучело — символ дурного вкуса «Беседы»... ввели Пушкина за занавеску и дали ему в руки эмблему «Арзамаса», мерзлого арзамасского гуся, которого он должен был держать в руках все время, пока ему говорили длинную приветственную речь. После того, как и всем арзамасцам, дано было ему арзамасское прозвище «Его превосходительство, Вот». Лицеист Александр Пушкин, уже автор стихотворения «Тень Фонвизина» и послания «К Жуковскому» — язвительные стрелы в них направлялись на поэтов «Беседы», почтительно поднимал «арзамасские» заслуги своего дяди:

*«Тебе, о Нестор «Арзамаса»,
В боях воспитанный поэт,
Опасный для певцов сосед
На страшной высоте Парнаса,
Защитник вкуса, грозный «Вот»...»*

Говоря об обществе карамзинистов, напомним, что в рисунке печати кружка западников был использован знаменитый в те годы арзамасский гусь, как символ отменных бойцовских качеств.

Проходило время, но поэт все еще жил памятью и об «Арзамасе». 20 сентября 1820 года Пушкин пишет письмо П. А. Вяземскому из Кишинева: «В лето 5 от Липецкого потопа (производное от комедии «Липецкие воды» — П. Е.) — мы, превосходительный Рейн и жалобный Сверчок, на лужице города Кишинева, именуемой Быком, сидели и плакали, вспоминая тебя, о Арзамас, ибо благородные гуси величественно барахтались пред нашими глазами в мутных водах упомянутой речки...»

Так вот, через литературный кружок, его печать, а далее по ассоциации с прославленным арзамасским гусем попали в поле зрения молодого Александра Сергеевича, а затем на лист письма П. А. Вяземскому и кишиневские гуси...

В 1825 году, в сентябре, братья Василий и Сергей Пушкины приехали в Кистенево, чтобы принять сельцо в свое владение после умершего брата Петра Львовича. Наверняка, и эта поездка отца и дяди стала предметом разговоров в семье Пушкиных о своем нижегородском имении: дальней дороге, об Арзамасе, где некогда бывал по службе Сергей Львович, и эти разговоры, так или иначе, дошли до опального тогда поэта...

*Вид города Арзамаса с Ивановских бугров.
По улице Мостовой — она видна на снимке, поэт проезжал в Болдино.*

Еще в 1821 году Пушкин, постоянно следящий за периодической печатью, прочитал в журнале «Отечественные записки» лестный отзыв об Арзамасе, о школе живописи академика Ступина издателя Павла Свиньина.

В 1827 году в том же журнале снова появляется статья о школе академика Ступина. Теперь о «заводителе дела необыкновенного» пишет земляк художника Иван Максимович Горностаев:

«Каждый, приезжая в Арзамас, спешит полюбоваться на его, Ступина, заведение, поистине заслуживающее всякое внимание на сей прекрасный рассадник художеств».

Горностаев сообщает об устройстве школы, ее завидном музее, наполненном бюстами, статуями, картинами известных художников, о театре

при школе: «Он полезен еще и в том отношении, что делая декорации, ученики упражняются в перспективе». Рассмотрев внимательно состав сей школы и хозяйственную часть оной, я нахожу, что г. Ступин истинно действует, как прямой сын Отечества».

Таким образом, не только историческую канву России, но также и Арзамаса знал поэт к поре своего физического и творческого возмужания, а также бытовые черты жизни его обитателей. Он узнал и тот Арзамас, который, как говорили, дал приют, и приют безбедный, благородным художествам. Школа Ступина, как видим, расцветала в обстановке общественного сочувствия. Личность деятельного академика, его пожизненное дело, несомненно, поднимали особый интерес Александра Сергеевича к месту обучения талантов из народных низов.

ТРИ ОСЕНИ

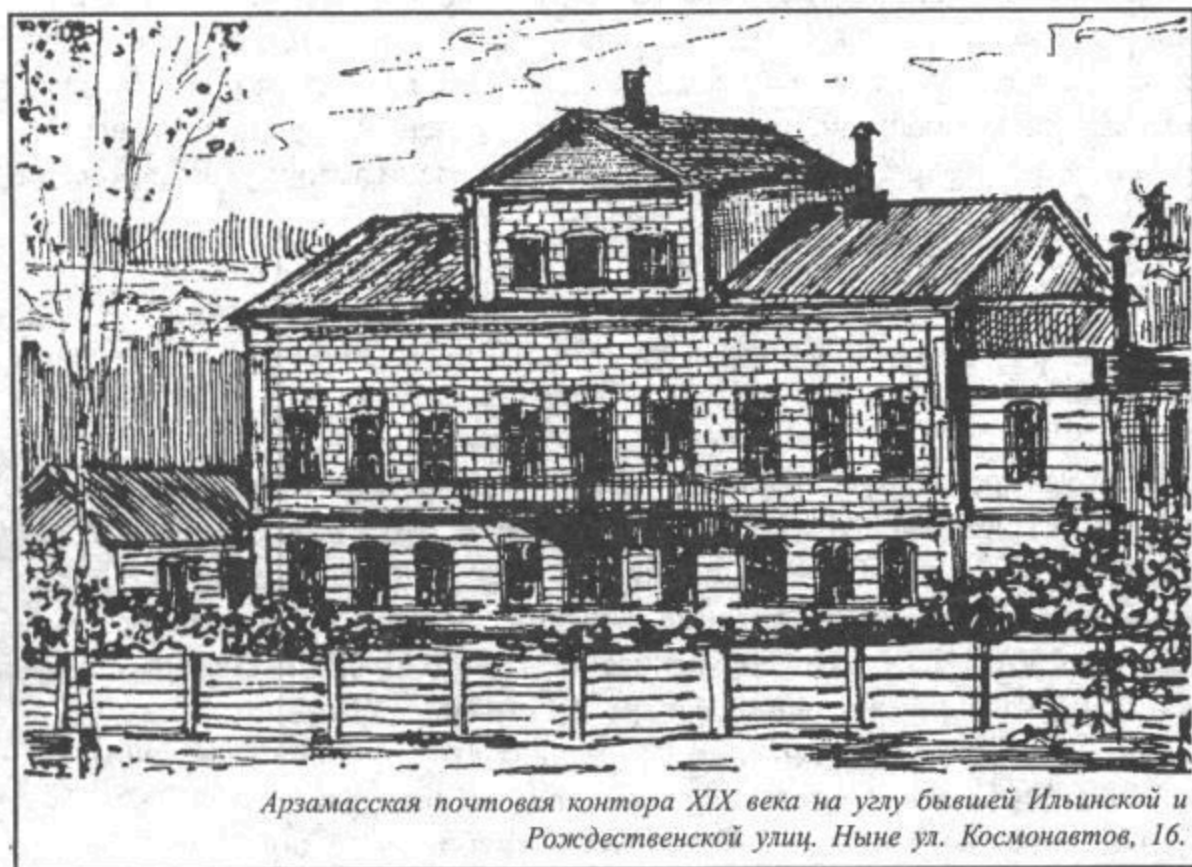
Пушкина называют вечным спутником русского человека, нашей духовной опорой, поэтом, который поднял значение слова до судьбы и стал нашей судьбой. «Пушкин — это наше все», — мудро сказал Аполлон Григорьев. «С Пушкиным умнеют все», — писал А. Н. Островский.

В Болдине возвысился поэтический мир Александра Сергеевича, тут он, как и в Михайловском, вглядываясь в быт простого народа, в провинциальную уездную жизнь, прозревал всю современную ему Россию. Родовое село, ставшее рабочим кабинетом поэта, подняло его творческую судьбу — здесь в часы вдохновения явлены поистине шедевры нашей литературы. Тут «солнце русской поэзии» вошло в свой высокий зенит...

Судьба уготовила А. С. Пушкину трижды побывать в Болдине. Он прожил в своем родовом гнезде 144 дня.

В 1830 году, в апреле, поэт получил согласие на брак с юной Натальей Николаевной Гончаровой. Ей минуло в ту пору 17 лет.

В своем автобиографическом наброске Пушкин писал:

Арзамасская почтовая контора XIX века на углу бывшей Ильинской и Рождественской улиц. Ныне ул. Космонавтов, 16.

«Участь моя решена. Я женюсь. Та, которую любил я целые два года, которую везде открывали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством — Боже мой, — она почти моя».

Сергей Львович, отец поэта, выделил сыну в своем нижегородском имении 200 крепостных душ в сельце Кистеневе, что находилось неподалеку, верстах в семи, от Болдина. По закону во время ввода во владение земель, крестьянами, имуществом необходимо было личное участие нового хозяина. Итак, следовало немедленно собираться в родную вотчину.

Из Москвы А. С. Пушкин выехал на перекладных 31 августа.

Известно, что Александр Сергеевич прибыл в Болдино 3 сентября. Он мчался быстро, дорога пролегла через Владимир, Судугу, Муром, Арзамас. От Москвы до Болдина, если ехать через Лукоянов, насчитывалось 527 верст.

Путь продолжался четыре дня. Из этого нетрудно заключить, что Пушкин приехал в Арзамас 2 сентября, ночевал, а 3-го у него был последний, четвертый перегон до Болдина.

Поэт никак не предполагал, что надолго задержится в деревенской глуши. Он рвался в Москву, но его остановила эпидемия холеры, выехать сразу из села оказалось невозможным из-за строгого карантина.

Сельская тишина, яркие краски осени под голубым небом, и нет той непроходящей городской суеты... В письме к П. А. Плетневу 9 сентября Александр Сергеевич признавался: «Ах, мой милый! Что за прелесть здешняя деревня! Вообрази, степь да степь, соседей ни души, ездят верхом, сколь душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я наготовлю тебе всячины, и прозы, и стихов».

Холера вошла в пределы России в июне 1830 года, двигалась она с низовой Волги и задержала Пушкина в имении до самой зимы.

86 дней, проведенных в благодатном уединении, — это взлет творческих сил, это осень, которую поэт с радостью называл «детородной». Подлинно в высоком состоянии души рождались вдохновенные поэтические строки. Позже, вернувшись в Москву, Александр Сергеевич уведомит своего друга Плетнева: «Скажу тебе (не за тайну), что я в Болдине писал, как давно уж не писал. Вот что я привез оттуда: 2 последние главы «Онегина», 8-ую и 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400)... Несколько драматических сцен или маленьких трагедий, а именно: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Дон Жуан». Сверх того, написал 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все (весьма секретное): написал я прозою пять повестей...»

Одиночество, напряженная творческая работа и беспокойство за судьбу близких. Тревожило молчание невесты — холера-то, по слухам, под-

ступила к самой Москве. Поэт пытается — рискуя при этом, прорваться через карантинные заставы к Наталии Николаевне.

5 ноября в Болдине он пишет письмо П. А. Вяземскому и тут же мчит в Москву. Потом об этой поездке он сообщит так: «Доехал до Севастлейки — первого карантина, в верстах двадцати от Мурома (на границе Владимирской и Нижегородской губерний — П. Е.), но на заставе смотритель, увидев, что еду по собственной самонужнейшей надобности, меня не пустил и протурил назад в мое Болдино».

По летописи жизни и творчества Пушкина, составленной в 1910 году Н. О. Лернером, в которой расписан каждый день Александра Сергеевича, значит, что он 8 ноября писал свои замечания на перевод «Илиады» Гомера. Выходит, что он уже вернулся в усадьбу из этой неудачной поездки в Москву.

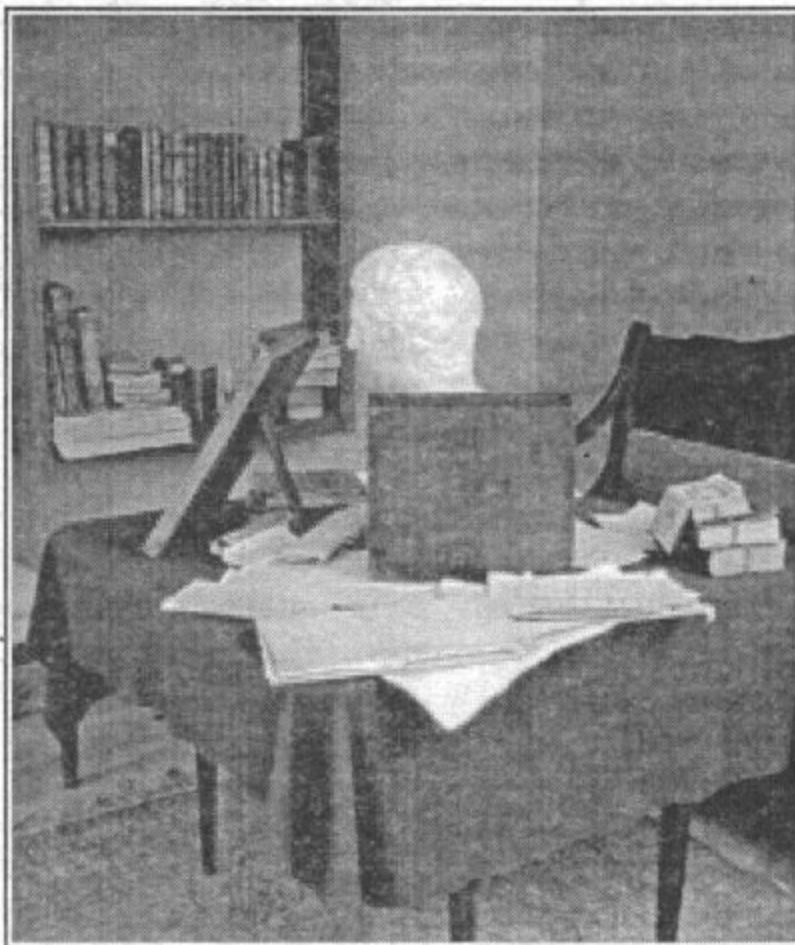
Таким образом, должно полагать, что поэт проездом был в Арзамасе из Болдина 6-го, а на обратном пути из Севастлейки — 8-го ноября, скорее всего утром. Дата 6 ноября бесспорна, ибо на письме к жене стоит почтовый штемпель: «Арзамас, 6 ноября». Могут сказать: зачем же Пушкину было писать, когда он сам выехал к невесте? Письмо существует... Александр Сергеевич ожидал, что его не пропустят в Москву. Так оно и вышло.

Поэт не успокаивается, пишет в Нижний, в губернскую канцелярию, просит дать пропуск. Сухой ответ: оный можно получить и в Лукоянове. Но вместо желанной бумаги предводитель местного дворянства Ульянин настойчиво предлагает принять должность инспектора над карантинами. Другая просьба к губернским властям также сразу не возымела действия. А тут в Лукоянов проездом грянул сам министр внутренних дел граф А. А. Закревский, приказал доложить, кто и как из дворян служит «по холере». Ульянин не преминул сообщить, что уклоняется от гражданского долга «коллежский секретарь Пушкин, стихотворец»... Министр возмутился — пришлось Александру Сергеевичу стать «попечителем квартала».

Поэт исполнил предписание. В своей неожиданной и кратковременной должности он и произнес в церкви болдинским мужикам речь о холере, объявил нехитрые меры предосторожности, а заодно и пожурил своих подданных за ленивый платеж оброку — лености этой крепостные Болдина, Кистенева и Львовки были очень даже подвержены...

Холера Болдино миновала.

Окончательный выезд Пушкина к невесте пал только на конец ноября. 22 числа Д. Языков сообщил из Нижнего Новгорода, что высылает свидетельство на выезд, которое он обрел для поэта. 27 ноября Александр Сергеевич написал стихотворение «Для берегов отчизны дальной» и начал

Часть интерьера кабинета А. С. Пушкина, воссозданная по рисунку поэта.

собираться в дорогу — наконец-то получен долгожданный пропуск на выезд из карантинного плена.

Дорожные злоключения не кончились. Уж совсем недалеко от Москвы, в Платове, что на Владимирском тракте, когда оставалась 71 верста до первопрестольной, его опять задержал карантин на долгих три дня. Известно, что 1 декабря из Платова Александр Сергеевич написал письмо Наталье Николаевне. Можно считать, что в Арзамасе поэт останавливался скорее всего 29 ноября. Тридцатого он был в дороге.

А не бывал ли Александр Сергеевич в Арзамасе еще, кроме этих, определенно известных, четырех раз?

Есть основания для такого утверждения.

Вновь надо обратиться к капитальному труду Н. О. Лернера. Из него видно, что Пушкин почти на каждой новой рукописи оставлял помету о времени завершения или днях работы над ней. Датированы, конечно, и письма.

Работал Александр Сергеевич очень интенсивно. И все же он давал себе отдохнуть. Когда же?

В конце октября поэт писал Плетневу в Петербург: «... и стихи в голову не лезут». Письмо имеет помету: «Арзамас, 1830, октября 30».

В Болдине написано письмо Н. Н. Гончаровой. Но отправлено оно тоже из Арзамаса. На почтовом штемпеле и этого письма стоит: «Октябрь, 30, Арзамас».

Возможно, что Пушкин еще раз ездил в Арзамас. Этот, также предполагаемый, приезд падает на 19—20 ноября. Опять-таки в эти дни поэт не работал и опять отправляет письмо к невесте, а на нем штемпель: «Арзамас, ноябрь, 20».

Штемпели на письмах... Могут ли они служить подтверждением выдвигаемых предположений? Могут! В двенадцати верстах от Болдина находилась почтовая станция в селе Абрамово, а в пятидесяти верстах — в Лукоянове. Зачем же надо было отсылать почту из неближнего Арзамаса?

Отчасти Александр Сергеевич отвечает на этот вопрос сам. В письме к Наталье Николаевне он негодует: «Надо же было пьянице почтмейстеру в Муроме перепутать пакеты, и вот Арзамас получает почту Казани, Нижний — Лукоянова, а ваше письмо (если только есть письмо) гуляет теперь не знаю где... Отец продолжает писать мне, что свадьба моя расстроилась. На днях он мне, может быть, сообщит, что вы вышли замуж».

Тревога за свою женитьбу, боязнь потерять невесту — все это и заставило, наверное, Пушкина доверить свое письмо не ближайшим станциям, а лично сдать его арзамасскому почтмейстеру Залесскому. Уж отсюда-то, из Арзамаса, это тревожное послание жениха полетит по Московскому тракту легкой пташечкой напрямиком.

Но были, конечно, и еще какие-то побуждения съездить в Арзамас. Нижний, Лукоянов отказывают в проездной бумаге, так может быть Арзамас даст оную? Кто же там начальствует по холере? Сказывают, Ступин... Наслышан о заводителе частной школы...

«Аттестат. Дан сей Нижегородской губернии Арзамасского комитета, учрежденного для пресечения холеры, комиссару академику 10 класса Александру Васильевичу сыну Ступину в том, что он во время существующей в городе Арзамасе эпидемии 1830 года сентября с 22-го был во временной полиции частным приставом 1-ой части, потом определен 14 октября смотрителем Нижегородской предохранительной заставы, а 22 октября наименован комиссаром, каковые должности исправлял по 6-е декабря того же года с особым усердием и ревностью, в чем комитет его, Ступина, сам и аттестует. Генваря ... дня 1831 года». Подписи: председательствующий уездный предводитель дворянства Караулов, городничий Антоновский, исправник Мессинг...

Впоследствии Ступин писал: «...был комиссаром и надзирателем за оцеплением города, над больными и продовольствиями их, имел при себе троих временных квартальных помощников».

...Пушкин подъезжал к Арзамасу.

Еще с Ивановских бугров увидел обрытый город, в окружной канаве курился навоз, едкий дым которого, как тогда считалось, отгонял холеру. Обывателям советовали в ту осень и другие нехитрые предостережения от заразы: пить настой ромашки, обтираться сухой тряпкой, запастись чесноком и дегтем, а также иметь вино, настоенное на перце и редьке.

В наше время все это воспринимается с улыбкой, но вот что писал историк города Н. М. Щегольков: «Бедствие это было тем ужаснее, что случилось в первый раз: никаких средств ни для устранения этого бедствия, ни для разумной борьбы с ним никто не знал».

Многие из известных деятелей русской культуры первой половины XIX века, чиновные, частные лица, что побывали в Арзамасе проездом, нанесли визиты академику Ступину. Достоверно известно, что школу живописи посетили: конференц-секретарь академии художеств А. Ф. Лабзин, поэт и драматург князь И. М. Долгорукий, поэт граф Д. И. Хвостов, архитектор И. М. Горностаев, столичный журналист и издатель П. П. Свиньин, нижегородский писатель П. И. Мельников-Печерский, известный писатель-этнограф Александр Терещенко и другие. Охотно навевались к Ступину при обозрении губернии нижегородские губернаторы, епископы, живописцы... Так что незасорно было коллежскому секретарю и жаркому поклоннику изящных искусств Пушкину направить стопы своя на улицу Прогонную, что в приходе церкви Святой Троицы...

Была, была у Александра Сергеевича надобность нанести визит Ступину. Засидевшись так долго в болдинском затворе, давно оторванный от столичной атмосферы, писательской среды, поэт желал навестить академика. Вспомнились заманчивые слова Павла Свиньина и И. М. Горностаева в популярном издании, вспомнилось, что в музее художника полотно самого Тициана, наконец, горделиво подумалось и о том, что сам он без конца уснащает свои рукописи рисунками. Перо его стремительно на бумаге, изображения легки, изящны, и какой только всячины сюжетной в них нет...

Предания говорят, что Пушкин побывал у Александра Васильевича. Время возможного посещения академика надо отнести на 20 ноября, на тот день, когда Пушкин отправил из Арзамаса письмо Наталии Николаевне.

...Ступин, еще моложавый, с темными горячими глазами, с шапкой седеющих кудрей на голове, принял поэта с понятным почтением. Взволнованный, внимательным глазом художника оглядел вошедшего: он еще молод... И такие живые голубые глаза. Вьющиеся каштановые волосы хороши, пышные баки выгодно оттеняют смуглое лицо. Вот Александр Сергеевич заговорил, и блеснули его ровные белые зубы...

В галерее картин и гипсов Пушкин восхищался открыто, громко. Да и как было умолчать, когда перед тобой полотно великого итальянца Тициана, французов Буше, Сублера, Лазарини, Шердана, а из отечественных талантов — работы Акимова, Егорова, Левицкого, Брюллова, Варнека и, знакомого по альбому Остафьева, Михаила Тихонова...

Искусство — прекрасно, но холера, холера...

В своем кабинете академик не порадовал: не должно понимать превратно... Пушкин очень дорог для России, а риск опасен. Что Ступин!.. Он только смотритель нижегородской заставы, отнюдь не московской. Печать на пропуск в Москву у господина предводителя местного дворянства Караулова, он и возглавляет холерный комитет в уезде... Да, Бог покамест милует Арзамас. К прискорбию, скончалась от злого поветрия лишь мещанка Бирюкова... Ежели угодно, можно заложить лошадку и скоренько предстанем перед господином предводителем...

В 1833 году Пушкин ездил в Приуралье для сбора материалов для «Истории Пугачева». В Нижнем Новгороде он пробыл 2 и 3 сентября — нанес визит губернатору М. П. Бутурлину, побывал на ярмарке и, вероятно, в губернском архиве.

На обратном пути, а поездка захватила Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск, поэт заехал в Болдино, чтобы поработать над собранным материалом.

Перебирая свои уральские записи, Александр Сергеевич не мог не вспомнить фамильное предание о том, что его дед по матери, Осип Ганнибал, летом 1774 года побывал в пределах Арзамасской провинции в Выксе «у литья артиллерии». В июле пугачевцы появились в арзамасских пределах, и город готовился к возможному отражению «злодейских шаек». Тогда-то арзамасский воевода и послал морской артиллерии капитану Ганнибалу просьбу «...елико возможно с крайним поспешением» направить порох для обороны. Порох был выслан напуганным властям города. Впрочем, он не понадобился, пугачевцы не пошли на Арзамас.

За сорок дней вторичного пребывания в Болдине, с 1-го октября по 9 ноября, написано много. Кроме трудной работы над «Историей Пугачева», в этот приезд созданы поэма «Медный всадник», сказки «О рыбаке и рыбке», «О мертвой царевне», стихи, наконец, здесь легли на лист бумаги строки «Пиковой дамы».

На обратном пути Пушкин ехал в Москву через Арзамас. Город он проезжал 11 или 12 ноября. Эта дата названа потому, что предполагается заезд А. С. Пушкина в Краснослободск к знакомым Савостьяновым.

А. С. Пушкин в Болдине. Заслуженный художник России Д. Д. Арсенин.

...Прошел год, и поэт снова в Болдине. На этот раз в поездку погнали хозяйственные заботы. Александр Сергеевич уже не молод, напряженная творческая жизнь, материальные затруднения тревожили его. Постарел отец. Управляющий грабил имение, и Сергей Львович поручил управление Болдиным сыну. И вот надо было опять ехать в Нижегородскую губернию.

15 сентября поэт писал Наталии Николаевне, что приехал в село «третьего дня». В Арзамасе, значит, Пушкин был 12 сентября. Покинул он Болдино 1 ноября, 2-го проехал Арзамас.

«Осеннее прилежание» на этот раз было не очень-то плодотворным. Александр Сергеевич написал только сказку «О золотом петушке». На рукописи стоит дата: 20 сентября 1834 года.

Весной 1835 года поэт писал управляющему Пеньковскому, что намерен приехать в Болдино в июле. Увы, более ему не довелось побывать в родной вотчине.

...Скажем, что в первую свою поездку в Болдино в 1830 году Пушкин побывал в Арзамасе проездом четыре раза. На пути в имение — раз, два

раза — когда пытался прорваться сквозь холерные карантинны и еще раз — когда уже окончательно выехал в Москву.

В 1833 году Александр Сергеевич попал в Болдино, как известно, окольным путем, но обратно опять-таки проехал в Москву через Арзамас. К этим пяти проездам следует добавить еще два в 1834 году. К указанным семи проездам можно прибавить и случай специального пребывания в Арзамасе в 1830 году. Итак, число приездов увеличивается до девяти раз. Что и говорить, не многим российским городам, кроме столиц, выпадала честь столько раз принимать у себя знаменитого поэта.

...В сочинения Пушкина Арзамас входит с 1833 года. Город не единожды упоминается в «Истории пугачевского бунта» и в обширных комментариях к этому труду. Александр Сергеевич дает поименный список тех, кто был убит пугачевцами в Арзамасском уезде. Таковых оказалось двенадцать человек, среди них четыре женщины и один священник.

В следующем, 1834 году, 15—17 сентября в письме жене поэт напоминает Наталии Николаевне свой адрес. Видимо, крепко сидел в сознании Пушкина Арзамас, если он соседнее с Болдином почтовое село Абрамово, по забывчивости, конечно, счел «в Арзамасском уезде»...

НЕЧАЯННАЯ ВСТРЕЧА

Александр Сергеевич оставил память о себе и в Арзамасском уезде. Это случилось 9 ноября 1833 года, когда поэт после длительной поездки по Поволжью и Уралу спешил уже из Болдина в дорогу ему Москву. Позади Лукоянов, и вот Шатки — до Арзамаса осталось тридцать верст.

Глубокая осень. Облетели леса, почернела хваченная первыми заморозками трава по обочинам трактовой дороги, пристыла земля, и колеса экипажа сухо стучат по неровной покати овражных раскатов. Холодная синева небес дышит близкой зимой.

В Шатках на почтовой станции лошадей не оказалось, и предстояло маяться ожиданием. Пушкин посетовал на себя: съестного не прихватил, предполагал посидеть в ресторации Арзамаса...

Нехотя Александр Сергеевич обеспокоил хозяйку. Женщина развела руками:

— Сегодня ничего не готовили, барин!

— Да хотя бы щей или каши...

— Батюшка, и этого нет. День ныне постный, не стряпала. Только холодная похлебка...

Пушкин не предполагал, что этот короткий разговор с женой смотрителя слышал некий находившийся в зальце проезжий. Тот поднялся из-за стола и предложил разделить с ним дорожную трапезу.

Александр Сергеевич, не обинюясь, принял приглашение.

Обменялись любезностями и разговорились. Поэт спросил, кому он обязан сим удовольствием...

Проезжий с улыбкой склонил голову:

— Савостьянов...

Пушкин быстро спросил:

— Не приходится ли вам родней Константин Иванович?

— Это мой батюшка, он в карете...

Тут же послали за родителем.

Константин Иванович почти вбежал в зальце, и друзья крепко обнялись.

— Какая нечаянная встреча!

— После четырехлетней разлуки...

— Помнишь, в Грузии?

— Забыть ли!

Было чему радоваться. Пушкин и Савостьянов впервые встретились в Тифлисе в мае 1829 года. Александр Сергеевич оказался на Кавказе по

своему желанию — хотелось стать свидетелем, а то и участником военных действий между Россией и Турцией, а Константина Ивановича, сына краснослободского откупщика, человека большой культуры, направили в Тифлис на чиновную службу. Савостьянов вместе с русскими и грузинскими друзьями устроил праздник в честь известного российского поэта.

Прекрасна весенняя пора на Кавказе... Этот праздник дружеского общения удался на славу. За городом, близ реки Куры, в цветущем саду собрались истинные поклонники русской литературы и Пушкина. За столом не кончались бурные славословия в адрес виновника торжества.

После Константин Иванович об этом радостном событии рассказал в письме к В. П. Горчакову.

...Вечером сад иллюминировали, местные музыканты исполняли восточные мелодии, русского поэта чествовали и на местных языках. Вдруг оркестр заиграл торжественный марш, Пушкина посадили в кресло и при дружных возгласах «ура» поставили кресло на пьедестал, усыпанный цветами. Вновь зазвенели заздравные бокалы и раздались восторженные тосты в честь кумира присутствующих.

Александр Сергеевич не отмолчался, признался, что для него не было более радостного дня, чем сей день...

— Спасибо, господа! Я вижу, что Пушкина понимают, ценят и любят...

Далее Савостьянов вспоминал:

«Когда поэт перестал говорить, от избытка чувств бросился ко всем с самыми горячими объятиями и задушевно благодарил за эти незабвенные для него приветы».

...Отец и сын Савостьяновы во время той встречи с Пушкиным осенью 1833 года ехали в город Краснослободск Пензенской губернии, там у них был родовой дом. За дружеским обедом тут, в Шатках, Пушкин не преминул рассказать о своих недавних разъездах по Поволжью и Уралу, где собирал материалы для «Истории Пугачева».

Константин Иванович, движимый дружеским участием к важному делу поэта, предложил ему тотчас поехать в Краснослободск, до которого некогда долетало пламя крестьянской войны. Александру Сергеевичу, как историку, было заманчиво принять предложение: являлась возможность поговорить и со старожилками Краснослободска, которые наверняка могли рассказать свое о «мужицком царе»...

Пушкинисты склоняются к тому, что поэт повернул с Савостьяновыми назад; семьдесят-восемьдесят верст с друзьями — не дорога...

После, по рассказам К. И. Савостьянова, он посылал Пушкину новые сведения о действиях пугачевцев на территории Пензенской губернии. Но встретиться еще раз друзьям больше не пришлось.

СТАРЫЕ ПРЕДАНИЯ

Старый Московский тракт широко, упрямо разрезал лысые косокры. Хлеба были уже убраны, и по жесткому, омытому дождями, побуревшему жнивью вышагивали черные чопорные грачи.

Арзамас открылся сразу — открылся широко и ярко, верст за восемь. Проглянувшую синеву неба отчетливо, зримо подпирал плотный пояс каменных домов, там и сям сияли купола многочисленных церквей.

Проехали подгороднее, строгой планировки село Выездную слободу и коляска загремела по булыжнику земляной насыпи, что вела к деревянному мосту через Тешу. К самой дороге, слева и справа подступала широкая пойменная луговина. Жухлую траву ее густо пятнали большие, разжиревшие к осени гуси.

В конце моста поднялась высокая арка с колоннами, с темным пятном иконы наверху. Рядом стояла полосатая будка с поднятым шлагбаумом. Тут, на въезде в город, спрашивали паспорт...

В город въехали через Ново-Московскую улицу, что начиналась сразу от моста. Справа потянулась Сенная площадь, густо обставленная кузницами, каретными сараями, всюду виднелись возы пахучего сена, топтались лошади, суетились и кричали люди — гомон стоял базарный.

Арзамас начинался трактирами, постоянными дворами, крепкими, недавней кладки кирпичными домами. И над всем этим, над пестротой базара, над пыльными кустами сирени и жасмина, за плотными хозяйскими дворами, над людской сутолокой, спокойно возвышалась зубчатая стена Николаевского женского монастыря. Тянулась она по высокой круче горного берега Тешы.

Обгоняя крытые рогожей возы, пересекли широкое горнило Гостиного ряда. Каменные двухэтажные лавки с аркадами дружно тянулись по низкому тут склону Кузнечной горы к Соборной площади.

Проехали Владимирскую церковь, Мучной ряд, Щепную площадь, миновали круглое Спасское озеро под стенами древнего Спасского монастыря с его огромным собором и, наконец, остановились на перекрестье Ильинской и Рождественской улиц, во дворе почтовой станции, что располагалась в большом каменном двухэтажном доме купца Ивана Ивановича Белянинова — ныне дом 16 по улице Космонавтов.

Таким увидел Пушкин юго-восточную часть Арзамаса 2 сентября 1830 года, когда впервые въехал в него со стороны Московской заставы.

Красивым, даже сказочным выглядел город и с Ивановских бугров, где начинался широкий Саратовский тракт, обсаженный «екатеринински-

ми» березами. По нему на юг и помчал после краткого отдыха поэт далее, в родовое Болдино. Отсюда, с бугров, великолепии церковных глав и колоколен казалось как бы собранным воедино, вершину Воскресенской горы венчал только что поднявшийся белыми колоннадами собор — такое зрелище не могло не восхитить взыскательный глаз художника, глаз поэта.

Все удивляло приезжего в Арзамас в первой половине XIX века. Недалеком же писали о нем похвальные слова многие знатные и делами, и фамилиями путешественники. Да и было о чем сказать.

Удивляла разумная планировка улиц, облик красивых церквей, какие-то теплые, уютные особняки дворян в стиле провинциального ампира и каменные купеческие хоромы с претензией на столичный стиль. Поражала разноликость и разноязычие людей, которых можно было встретить на базарах, в трактирах и в Гостином ряду. Шесть трактов сходилось в Арзамасе: Московский, Нижегородский, Симбирский, Саратовский, Тамбовский и Макарьевский. Более полусотни постоянных дворов ежедневно распахивали свои ворота для возов с товарами из Сибири, Урала, Средней Азии, с берегов Дона — город был подторжием, перевалочным пунктом для знаменитой Макарьевской, а затем Нижегородской ярмарки.

Город Арзамас и сам издавна слыл рукодельным. Одних только кожевенных заводов тут насчитывалось более полусотни. А еще надо прибавить к этому кошмовальные, меховые, салотопные, свечные, мыльные, крашенинные, кузнечные, каретные и всякие другие заведения. Город отправлял на торги тысячи пудов сала, в Англии и Германии торговал знаменитой арзамасской юфтью, пожарные инструменты — «трубы» братьев Лысковцевых считались лучше и дешевле заграничных, а самовары не хуже тульских. Отец и сын Лебедевы прослыли в России как искусные механики-самоучки.

Дворяне, чиновники, учителя уездного училища, врачи, священнослужители, значительный слой грамотного купечества составляли ту среду, которой были не чужды культурные веяния века. Библиотеки, вообще книги в домах арзамасцев не являлись редкостью, а по словам того же Н. М. Щеголькова с 1812 года и купцы пристрастились читать газеты...

Арзамас не только наживал деньги в тот шумный и деятельный «золотой» для него век. Он дал нижегородскому краю, России духовных подвижников, таких людей, которыми гордимся и доселе.

На все Отечество стала известна первая провинциальная школа рисования и живописи А. В. Ступина, талантливым зодчим Поволжья стал уроженец города, ученик знаменитого Воронихина, архитектор Михаил Петрович Коринфский. Дочь арзамасского стряпчего С. С. Зевакина —

Мария Семеновна Жукова — заявила о себе как о талантливой писательнице, о ее повестях из народной жизни восторженно отзывался Виссарион Белинский.

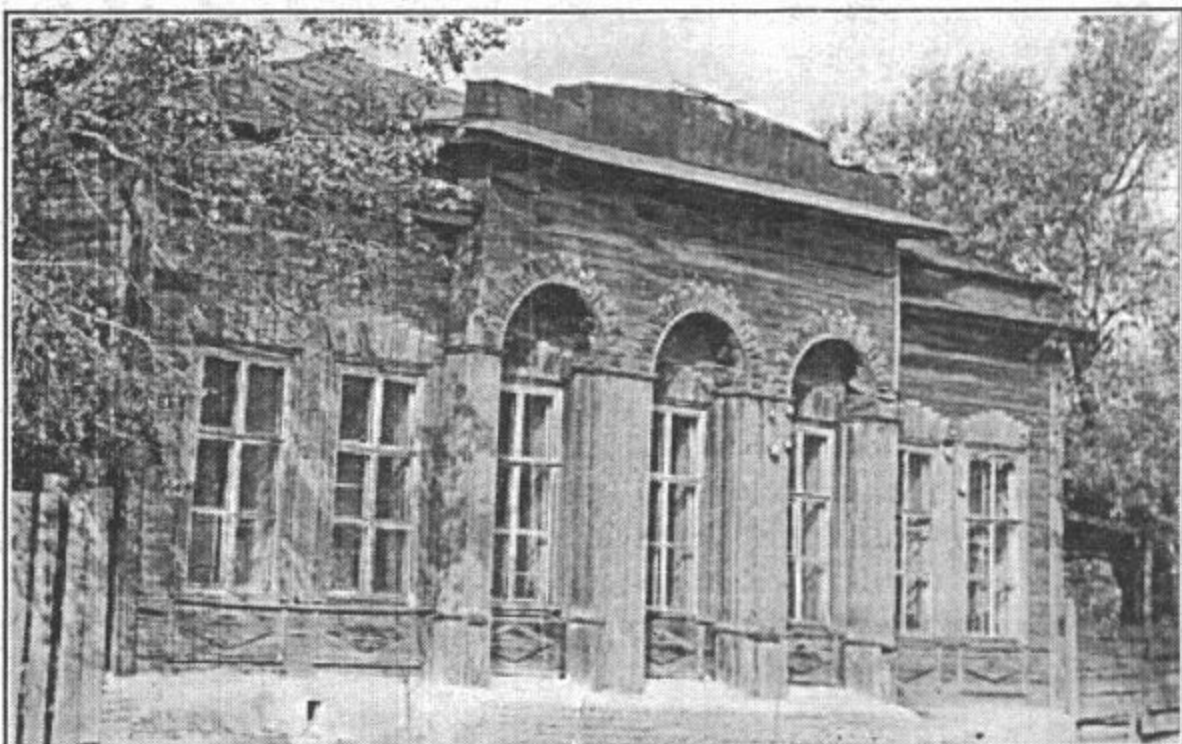
Имя Пушкина хорошо знала и русская провинция, свежих столичных журналов со стихами поэта ждали не только в дворянских гостиных. Ученик школы Ступина Иван Зайцев вспоминал: *

«У г. Ступина была большая библиотека, и мы вполне были ее хозяевами. Зачитывались до опьянения... Кроме того, я знал наизусть с начала до конца: «Кавказский пленник», «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан» Пушкина».

Не остались незамеченными наезды Александра Сергеевича в Арзамас. О нем всегда помнили, поэта всегда чтили в городе, и поэтому не случайно предания, связанные с его именем, сохранились до последнего времени.

Два дома в Арзамасе претендуют на то, что в них бывал Пушкин.

Первый дом до недавнего времени стоял на Верхней Набережной и значился под номером 14. Этот старинный деревянный дом с итальянскими углубленными нишами для окон известен горожанам как Бессоновский.

Дом дворян Бессоновых в Арзамасе на улице Верхняя Набережная, 14, в котором по преданию бывал осенью 1830 года А. С. Пушкин

Сразу возникает вопрос, а жил ли Бессонов в Арзамасе?

Да, он земледелец Арзамасского уезда. В «Казанских известиях» за 1814 год читаем: «Село Спасское, принадлежащее г. статскому советнику

Бессонову, заслуживает внимания великолепным каменным замком, построенным в готическом вкусе. В нем, кроме приходской церкви каменной, есть еще домовая, прекрасного вида, украшенная внутри итальянским мрамором, в которой местные образы писаны лучшими художниками Санкт-Петербургской академии. Пред замком обширный пруд с прекрасным мостом и английский сад».

В это время в городе полковник Михаил Федорович Бессонов живет с сестрами, девицами Екатериной, Анной и Елизаветой.

Позднее «Обывательская книга на трехлетие с 1825—1828 гг.» сообщает:

«Г-на статского советника и кавалера Михаила Федоровича Бессонова сестры девицы Анна, Екатерина, Елизавета Федоровны Бессоновы имеют в городе за собою дом со строением и огородом наследственной, состоящей в 1 части в приходе Крестовоздвиженской церкви в улице вновь построенный под №104».

Упоминается М. Ф. Бессонов и в архиве Воскресенского собора. В 1840 году он дарит храму серебряные сосуды.

Городская молва рассказывает, что сестры Бессонова упросили брата пригласить поэта в дом. Да, была уже осень, хлеба убрали, помещики, по обыкновению, съезжались на зиму в город... Так вот и состоялся званый вечер, Александр Сергеевич ужинал и танцевал в кругу веселых гостей.

Арзамасский самодеятельный художник Владимир Иванович Портных рассказывал в свое время, что его дед, будучи скрипачом, обучал учеников академика Ступина игре на струнных инструментах. И вот оркестром, как уверял он, на том вечере в доме Бессонова и дирижировал его дед. Добавим, что оркестр, как и хор, театр в школе Ступина действительно существовал, а Владимир Иванович Портных, до войны, веря воспоминаниям деда, писал картину на тему пребывания Пушкина в Арзамасе. Как это видно из сохранившейся семейной переписки, художник предлагал свое полотно в августе 1940 года Государственному музею А. С. Пушкина. Портрет музыканта находился в Арзамасском историческом музее.

Предание второе соединяет имя поэта с домом №12 на улице Сальникова, ныне Карла Маркса. Типичный для Арзамаса первой половины XIX века дом с трехстворчатым окном в центре фасада, чудесный декор резьбы украшал очельные доски, наличники окон, боковые пилястры. Резьба — поздняя одежда этого ампирного строения, который по невежеству, уже в наше время разрушен.

Последний дореволюционный владелец этого дома дворянин Петр Иванович Лебедев.

Дом дворян Лебедевых в Арзамасе на бывшей улице Сальникова (Карла Маркса, 21), в котором, по преданию, останавливался осенью 1830 года А. С. Пушкин.

Фамилия этих арзамасцев, Лебедевых, прослеживается с XVII столетия. В конце семисотых годов жили в городе Евграф Алексеевич и Иван Степанович Лебедевы. А еще в начале столетия в Арзамасе служит подъячим Максим Яковлевич Лебедев. Супруги Симеон и Анастасия Лебедевы похоронены в зимнем Воскресенском соборе, а это говорит о том, что они были в большом почете у арзамасцев.

На большой усадьбе Лебедевых стоял некогда, фасадом на Спасскую церковь, ныне на месте ее памятник К. Марксу, небольшой флигель с трех окнами по уличному фасаду. Он специально предназначался для гостей. Вот этот-то домик, как говорят, и был отведен Лебедевными для ночлега Пушкину.

Связь Пушкиных с Лебедевными надо бы искать среди столичных знакомых... Приходит на память и то, что в первой половине XIX века в Арзамасе жили в своем роскошном доме — в плане он сохранился до нашего времени, Бутурлины — родичи Пушкиных.

К этому добавим слова историка Арзамаса Н. М. Щеголькова:

«Несомненно, что путь Пушкина из Москвы в Болдино лежал через Арзамас».

И далее:

«Около 1899 года, когда вся Россия чествовала столетнюю годовщину рождения Пушкина, среди арзамасской интеллигенции стали ходить рассказы, что, живя в Болдине, Пушкин ездил по делам в Арзамас, останавливался на Сальниковой улице, в доме, принадлежащем ныне г. Лебедеву, а по вечерам одиноко, задумчиво прохаживался по Сальниковой улице».

Откликом этих рассказов и послужила корреспонденция из Арзамаса в газете «Нижегородские губернские ведомости»:

«У нас возник проект о переименовании Сальниковой улицы в Пушкинскую...»

На связь имени Пушкина с домом №21 указывал некогда знаток арзамасских фамилий Михаил Алексеевич Порошенков, бывший агент Северного страхового общества, владелец типографии в Арзамасе, а в советское время — работник юстиции. Он был хорошо знаком с П. И. Лебедевым и слышал от него рассказ о пребывании поэта в этом доме.

Семь из девяти проездов через Арзамас Александра Сергеевича доказываются летописью его жизни. Ожидание, иногда длительное, лошадей на почтовых станциях, а арзамасская стояла на бойком месте, делом было обычным. Без сомнения, поэт осмотрел город — уже один, только что поднявшийся кладкой Воскресенский собор привлекал каждого иногороднего... Вообще, Арзамас наверняка уравнивал и даже умудрял новоприбывшего человека своей видимой красотой, своей деловитостью, своим твердым, как в старину считали, православным основанием жизни. Остановки на ночлег в городе — одна или две, вполне вероятны. Возможны, как мы сказали выше, и специальный приезд Пушкина в Арзамас из Болдина, связанный или с необходимостью взятия документальных выписей об имении — Болдино-то до 1779 года числилось в Арзамасском уезде, или с желанием получить пропуск сквозь холерные карантинные. Наконец, побудить к поездке в Арзамас могли и личные мотивы. Холера в уезде не получила распространения, а в Арзамасе жили — повторим — не чуждые роду Пушкиных Бутурлины. Детство в кругу и этой фамилии проводилось...

РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Подилась она в Болдине, вот коротко ее содержание: Пушкин в свой приезд в усадьбу в 1830 году познакомился с девицей Февронией Ивановной Виляновой из крепостных и хотел-де на ней жениться.

Позднее к этому добавлялось — содержание рассказа уже подводило к той мысли, что знакомство поэта с крепостной было не просто знакомством...

Легенда имеет прямое отношение к Арзамасу — Феврония Ивановна почти всю свою долгую жизнь прожила в нашем городе, с ее домом связаны имена и родственников Александра Сергеевича.

Впервые заговорил об отношениях Пушкина и Февронии бывший крепостной крестьянин Михей Сивохин. Записал рассказ тоже болдинский житель Иван Васильевич Киреев:

«Во время пребывания в Болдине Александр Сергеевич ходил на прогулку к леваде... На этой леваде находился пчельник зажиточного крестьянина Вилянова Ивана Степановича. Здесь стояли пчелиная сторожка и колодец. А подле колодца росла липа, которая и сейчас осталась в заповедном парке. Здесь и увидел Александр Сергеевич дочь Вилянова Февронию Ивановну, которая приходила днем на пасеку. По слухам, Александр Сергеевич ходил в эту сторожку на свидание к Февронии, привез ей в подарок шелковое платье и будто хотел засватать за себя».

Дополнением к этому начальному рассказу Михея Сивохина служит повествование уже самого И. В. Киреева:

«Живя в Болдине, Александр Сергеевич Пушкин познакомился с богатым крестьянином Виляновым Иваном Степановичем, который был крепостным у Василия Львовича, но, как говорили в Болдине, откупился на волю за 10 тысяч.

Вот у этого Вилянова Александр Сергеевич взял взаимобразно 10 тысяч рублей, но заплатить долг при жизни так и не смог, умер его должником.

Забота о выплате долга легла на плечи отца — Сергея Львовича... В счет задолженности сына он и продал Вилянову 60 десятин земли, той самой, где когда-то стоял Беклемишевский сахарный завод».

К этим двум изначальным преданиям с конца прошлого века начинают нарастать такие домыслы, которые требуют осмысления, серьезного разговора. Как ни странно, обусловил появление этих домыслов в «научном плане» пушкинист дореволюционной поры Н. О. Лернер. Он утверждал, что Пушкин впервые побывал в Болдине в конце сентября—начале нояб-

ря 1829 года. Это утверждение Н. О. Лернер обосновал тем, что якобы поэт признавался, что восьмая глава «Евгения Онегина» создавалась в Москве, селе Павловском и Болдине в 1829 году. Н. О. Лернер также считал, что Александр Сергеевич приезжал в родительское имение и в марте 1830 года.

Доверимся серьезному нижегородскому пушкинисту Н. И. Куприяновой, которая пишет:

«Пушкинисты давно опровергли гипотезу Н. О. Лернера о приездах Пушкина в Болдино осенью 1829 года и в марте 1830 года».

Так кто и как дополнял легенду?

Сам Н. О. Лернер еще не связывал эти наезды поэта в отцовское имение с Февронией Ивановной, скорей всего, он не знал о ее существовании. Но вот дореволюционный журналист, сотрудник известного «Курьера» Николай Ашешов приехал в 1897 году в Арзамас с тем, чтобы услышать то, что хотел бы он тут услышать. Ашешов встретился с племянницей Февронии Ивановны, а потом и с самой Виляновой. Журналист писал: «Александр Сергеевич часто бывал у Виляновых... Отец тетушки Февронии был богатый и Александр Сергеевич любил приезжать к нему и пить мед, шипучий как шампанское. Феврония Ивановна красавицей была, наряжалась тогда в атласные платья. И ходила Феврония Ивановна в тех платьях в дом к Сергею Львовичу — дом и Болдино принадлежали отцу поэта, и была у них принята».

Это слова якобы племянницы Февронии Ивановны. А вот что поведала любопытствующему журналисту сама Феврония:

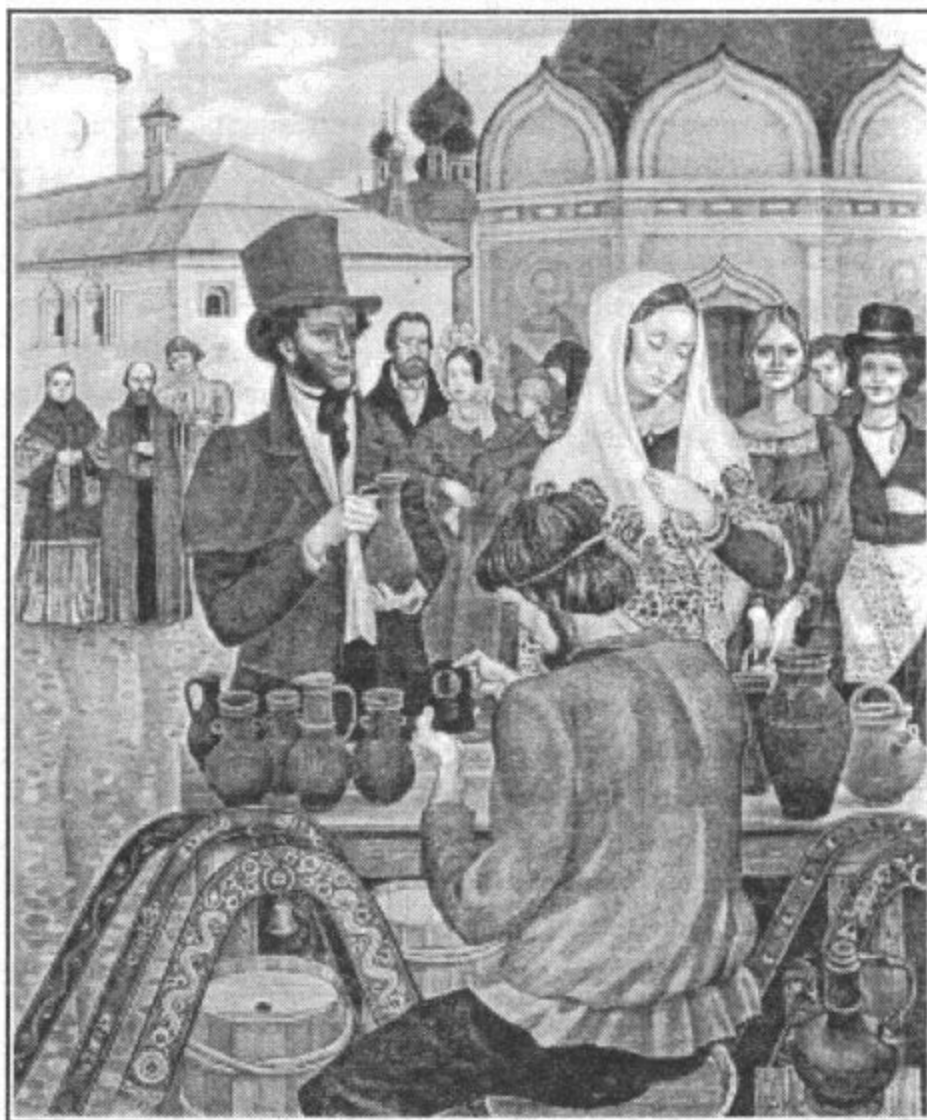
«...Любил Александр Сергеевич рассказывать, любо было слушать. Я у них часто бывала, и он у нас часто. Дом-то у нас хороший, жили мы богато... И Пушкин мед любил пить... Говорит отцу: «Хочешь, дам тебе 10 тысяч за Ховрюшу и увезу ее в Петербург...»

Февронии Ивановне в том, 1897 году, уже было девяносто два года... Это последние отблески сознания и памяти слабой слепой женщины. Как видим, чести имени своего и чести барина Вилянова не уронила, да ей и не было нужды пред вратами вечности ставить себя и намеком в сомнительное положение.

В наше время, перед войной, в Болдине побывал собиратель фольклора В. Чернышев. Он встретился с жившим еще И. В. Киреевым и записал от него следующее:

«...Пушкин во время проживания в селе Болдино имел знакомство с крепостной крестьянкой, девицей Виляновой, которую был намерен взять за себя в замужество. Пушкин купил ей шелковое платье и при отъезде в Москву дал обещание приехать обратно и повенчаться с ней в селе Бол-

дино. Пушкину почему-то не пришлось жениться на Виляновой: но за ее отношение к нему поэт купил ей у соседнего помещика Беклемишева участок земли в количестве 40 десятин, которыми потом владела Вилянова, а затем ее наследники до самого последнего времени».

А. С. Пушкин на Нижнем базаре в Арзамасе. Заслуженный художник России Д. Д. Арсенин.

Вот как мужское воображение от рассказа к рассказу уснащало легенду новыми «фактами». Эти факты В. Чернышев старается обосновать вроде бы весомыми экономическими выкладками. В сборнике «Звенья» он пишет: «Для устройства своих материальных дел перед женитьбою ему (А. С. Пушкину — прим. автора), как известно, пришлось заложить Кистенево за сорок тысяч рублей. Посвящая П. А. Плетнева в свои семейные и материальные дела по случаю женитьбы, Пушкин пишет ему 16 февраля 1831 года: «...заложил я моих 200 душ, взял 38000 р., и вот им распределение...» Если залоговая сумма была выдана полностью, то можно пред-

полагать, что недостающие до сорока тысяч две тысячи рублей, в которых Пушкин не отдает своему другу отчета, израсходованы на устройство положения Ф. И. Виляновой.

Что же говорит пушкинист Н. И. Куприянова, изучившая документы, относящиеся к Болдинскому имению Пушкиных?

«Виляновы действительно имели участок, приобретенный из земель Знаменского (Беклемишевского) поместья. Этот участок был куплен арзамасским купцом Иваном Степановичем Виляновым, а после его смерти в 1835 году перешел к его вдове Прасковье Дмитриевне.

Как видим, Феврония Ивановна начально не являлась владелицей земли и только после смерти матери получила ее в наследство.

Далее Н. И. Куприянова пишет:

«Всерьез утверждать, что Пушкин собирался жениться на Февронии, мог только крепостной Михей Сивохин, да и то по пословице «слышал звон». Но звон мог быть, и шел он из Болдина, только не от Виляновой, а от Ольги Калашниковой или по поводу ее. Калашникова — близкая Пушкину крепостная девушка из села Михайловского. В 1830 году ее отец М. И. Калашников был управляющим Болдинским имением. Да, именно Ольга могла рассказывать окружающим (или они за нее рассказывали), что барин собирается на ней жениться. Именно ее Пушкин одарил волей (что уж тут шелковое платье!), дал денег (сомневаемся, чтобы две тысячи, они могли пойти на оплату залога и процентов). И именно Калашникова стала владелицей дома, только не в Арзамасе, а в Лукоянове. Так что предание, сообщенное Сивохиным, основано на реальных фактах, но относятся они к другой женщине.

Это объяснимо. Михей Еремеевич Сивохин, 18 лет от роду, как следует из ревизской сказки 1834 года, был жителем Кистенева, а не Болдина. О Калашниковой-Ключаревой он мог и не знать, а «дородные и красивые» девицы Виляновы наведывались в Болдино в его зрелые годы.

И факты превратились в легенду».

Тут, пожалуй, уместно напомнить о народном фольклоре, некоторых устойчивых в прошлом сюжетных основах русских преданий и сказок. Среди великого разнообразия выделяются и такие, что были далеки от социальной действительности. В сказках часто простолюдин равнялся с тем, кто стоял на вершине общественной лестницы. Так, умный мужик Балда дурачит попа и укрощает самого черта. Царь-государь, напротив, нисходит, женится на одной из тех простых девиц, что «пряли поздно вечером», а сметливый добрый молодец, в свою очередь, женится на царевне Несмеяне...

Извечное желание народных низов иметь справедливого царя-батюшку, доброго барина рождало яркие, эмоциональные рассказы о единении,

об уравнивании всех сословий в общежительном мире... Легенда о крестьянской красавице Февронии, которой якобы был покорен Пушкин, — она из стихии, из русла здоровых народных представлений о гармоническом миропорядке на земле...

Конечно, поэтический вымысел, случалось, основывался и на реалиях русской жизни. Параша-то Жемчугова — крепостная актриса — вышла-таки замуж за графа Шереметева... За своего крепостного вышла замуж в селе Корино Арзамасского уезда дворянская дочь Баженова...

Жаль, что Н. Ашешов, как и В. Чернышев, не будучи серьезными пушкинистами, опираясь на известное «слышь да вишь», подводят читателя к тем мыслям, которые так легко запали им в головы. В патетике утверждения своего мнения Н. Ашешов зашел далеко. Вот какой портрет Виляновой рисует он: «Это была женщина выше среднего роста, плотная, коренастая, широкая в плечах и бедрах и до сих пор прекрасно сложенная. Ее крепкая фигура, совсем ожиревшая, казалась выточенной из кости... разве могла она фальшивить и лгать, она — дитя природы, дитя земли, обрекшая себя на вечное безбрачие и навсегда покинувшая родное село».

Здесь во всем журналист хватил лишку. Фотография, опубликованная в 1936 году В. Чернышевым, а это фотография Ф. И. Виляновой последних лет ее жизни — того времени, когда Н. Ашешов приезжал в Арзамас, дает совершенно иное представление о Февронии Ивановне: она столь «ожиревшая», что говорить о достоинствах женской фигуры, «выточенной из кости», уже не приходится. И напрасно так эмоционально нажимал Н. Ашешов на сознание доверчивых читателей, когда он говорил, что «дитя природы, дитя земли» не могла «фальшивить». В чем фальшивить? Феврония Ивановна только и сказала, что она знавала Пушкина, не более того! А что касается обета «вечного безбрачия», то тут напористый журналист слукавил. Он же знал: многочисленные племянницы Февронии также не выходили замуж.

Ко всему изложенному скажем: Пушкин накануне женитьбы на Н. Н. Гончаровой, которую он любил два последних года. В Москве поэт уже объявлен женихом... И какие же в этих обстоятельствах могут возникнуть у Александра Сергеевича желания связать себя с крепостной?..

К месту вспомнить и серьезные, взвешенные слова арзамасского историка Н. М. Щеголькова: «Из этой большой семьи (Виляновых) до 1899 года дожила одна только девяностолетняя старуха, девица Феврония. Узнавши, что она была крепостной Пушкина и знала его лично, к ней повалили разные корреспонденты и интервьюеры с расспросами о Пушкине. Напуганная старуха, без того уже все перезабывшая, больше отделялась молчанием, посетители заключили из этого, что она была неравнодушна к Пушкину и сочинили на эту тему маленький роман».

Кто же такие Виляновы в Болдине и Арзамасе?

Н. И. Куприянова дает о них такую справку:

«...Крепостной Пушкиных Сидор Тимофеевич Вилянов много лет, еще у Льва Александровича — деда поэта, был бурмистром, а у Василия Львовича — вотчинным начальником. Вероятно, после смерти Василия Львовича семья Виляновых откупилась на волю. Сын его, Вилянова, Степан Сидорович, умерший 82-х лет в январе 1835 года, был уже купцом третьей гильдии города Арзамаса, а внук его Иван Степанович Вилянов, тоже арзамасский купец, умер в том же 1835 году, 58-и лет, оставив многочисленное семейство: жену Прасковью Дмитриевну и детей: Василия, Петра, Степана, Федора, Татьяну, Феоктисту и Февронию».

Ю. Левина — бывший директор Болдинского музея, пишет, что «Вилянов был отпущен на волю вместе со своим семейством в 1826 году». Это событие, очевидно, надо связывать с приездом в сентябре 1825 года в Кистенево братьев Сергея и Василия Пушкиных, чтобы принять имение после смерти брата Петра Львовича.

*А. С. Пушкин у дома
Виляновых в Арзамасе на
улице Ново-Плотинной
(ул. Горького, 28).
Заслуженный художник
России Д. Д. Арсенин.*

Вскоре после обретения свободы Виляновы и объявляются в Арзамасе, они владеют и «Виляновым полем» в Болдине, сдают его в аренду.

В Арзамасе Виляновых чаще звали Болдинскими. Это прозвище пришло скоро, вошло даже и в документы.

Дом Виляновых, деревянный, с мезонином, стоял в «улице Ново-Плотинной», ныне улица Горького, №28. В семидесятые годы нашего века он сгорел...

В «Обывательской книге» Арзамаса за 1840 год объявляется, что семья Виляновых «промысел имеет торговый».

«Купчиха», «купеческая дочь», а еще и «купеческая девица» — так называет чиновный и церковный язык в документах Февронию Ивановну.

С начала сороковых годов прошлого века в Арзамасе началось вязание женских ботинок. Соединение художественной работы с ремеслом сапожника оказалось удачным, вызвало к жизни уникальный в своем роде промысел в России. В 70-х годах в городе вязало обувь до тысячи женщин и девушек. Занимались этим и Виляновы. Феврония Ивановна еще и скупала готовые изделия. Арзамасский старожил Н. Д. Архангельская рассказывала: «На них, Виляновых, на Февронию, вся улица Куринка работала. Кто пряд пух, кто вязал сапожки-вязанки. Обычно, получая задатком шерсть, мастерицы вязали на ту или иную «хозяйку», уступая ей 10 процентов с заработанного рубля». Вот такой «хозяйкой» и была Феврония. К концу восьмидесятых годов вязальный промысел изжил себя, резко упал, и Виляновы беднеют, входят даже в долги. Угасает фамилия, племянницы Февронии разъезжаются. Перед революцией продается дом.

Уже в советское время, отвечая на вопросы любопытствующих, Агриппина Васильевна, племянница Февронии Ивановны, настаивала, что в отношениях Пушкина к ее тетке, «не было ничего предосудительного», что Феврония Ивановна только «симпатия Пушкина», что она «и не вышла бы замуж за Пушкина, если бы он ей это и предлагал».

Кроме Н. И. Куприяновой, из современных нижегородских историков литературы большое внимание уделил А. С. Пушкину в Болдине А. А. Еремин, категорично возражавший против предположений о близкой связи Пушкина с Виляновой. К сожалению, аргумент для доказательства своего вывода Еремин взял ошибочный. Он укоряет В. Чернышева в том, что тот «не потрудился ни проверить собранные им сенсационные факты, ни подумать о том, что согласно им же приведенным фактам «симпатичной» девушке в это время «было по крайней мере 33 года».

В. Чернышев, в бытность свою в Арзамасе, доверился преподавателю педтехникума А. П. Цветаеву. Со слов последнего, скорей всего, В. Чер-

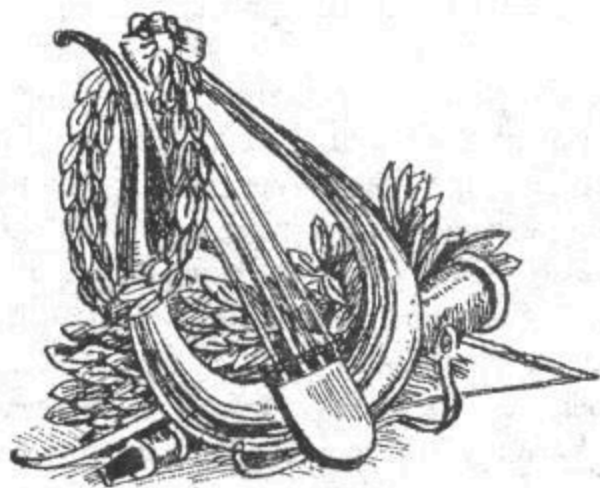
нышев и объявил, что скончалась Феврония Вилянова 23 декабря 1899 года ста двух лет от роду. Эти данные и дали повод А. А. Еремину отвергнуть утверждение В. Чернышева о связи Пушкина с Виляновой. В больших-де летах была девица...

Странно, что ни А. П. Цветаев, ни В. Чернышев, ни А. А. Еремин не удосужились проверить возраст Виляновой по документам, а они сохранились.

В метрической книге Арзамасской Ильинской церкви (Феврония Ивановна была ее прихожанкой) за 1899 год сказано:

«Месяц и день смерти — 24 декабря. Звание, имя и фамилия умершего: Арзамасская купеческая девица Феврония Ивановна Болдинская. Лета умершей — 94. Где погребена: на Всехсвятском кладбище 27 декабря».

И день смерти, и возраст умершей вовсе не те, что сообщил В. Чернышев и чему поверил А. А. Еремин. Не 33 года было Февронии Ивановне, когда в 1830 году ее увидел поэт, а двадцать четыре...»

ИЗ ФЛИГЕЛЯ ВИЛЯНОВЫХ

С волнениемходишь в Болдине в дом Пушкиных. Вот в небольшой прихожей яркий семейный герб хозяев и странное описание этого герба.

«В верхней половине, в горностаевом поле, на пурпуровой подушке с золотыми кистями алая бархатная княжеская шапка служит на память того, что выехавший в Россию из славянской земли муж честный Радша, родоначальник Пушкиных и других одноворцов их, еще под победоносным знаменем великого князя Александра Невского против неверных воевал; в нижней части щита с правой стороны в голубом поле рука в латах, держащая концом вверх обращенный меч, на другом — орел с распростертыми крыльями, держащий в когтях меч и державу».

Из прихожей проходим далее, в «зальце». Эта комната центральная, парадная, с застекленными дверями на парадное же крыльцо.

«Зальце» сразу переносит в теплый, уютный мир дворянской усадьбы первой половины XIX века. Красивая люстра с хрустальными подвесками, у стены, под портретом Александра Сергеевича, принадлежащим кисти знаменитого Ореста Кипренского (1827 г.), — мягкий диван орехового дерева, перед ним круглый на толстой грибовидной ножке стол, у стены мягкие же с легкими спинками кресла из темного дерева. В этой старинной мебели все: и сдержанное благородство линий, и легкое изящество, и молчаливое приглашение к отдыху, к душевной беседе, раздумию...

Экскурсовод бойко знакомит с обстановкой «зальца», говорит, что диван, стол и кресла — из Арзамаса, из дома Виляновых, а Виляновы-то — бывшие крепостные Пушкиных...

Экскурсоводы всегда торопятся, а потом вряд ли все они знают подлинную, почти детективную историю представленной мебели. Да, вещи, как и люди, как все прочее — тоже имеют свою, подчас долгую и любопытную историю, свою тайну.

Попробуем раскрыть ее, теперь о ней действительно мало кто знает. Ю. Левина, бывший директор Болдинского музея: «Сама мебель, ее история вызывает у нас интерес: она когда-то принадлежала знакомой Пушкина и связанной с Болдином семье». Нижегородский пушкинист Н. И. Куприянова: «...мебель эта, которая стоит сейчас в Болдинском музее — от Виляновых».

Данных, как видим, и у пушкинистов немного. В настоящем мы пополним эти краткие данные о мебели.

Истоки их тянутся от арзамасского художника Алексея Дмитриевича Иконникова, одного из владельцев названной мебели. До самой своей

смерти, в 1952 году, он поддерживал дружеские отношения с арзамасцем, доктором медицины Константином Васильевичем Бебешиним, что после революции жил и умер в Москве.

Переписка о мебели двух арзамасцев не случайна. Начало ее раскрывает вот это письмо: Иконников — Бебешину: «8.XI-39 г. 13 ноября месяца прошлого года в «Известиях» было объявление Московского госмузея Пушкина с предложением сообщить об имеющихся у граждан материалах, связанных с жизнью и творчеством А. С. Пушкина и между прочим о бытовых материалах, а также сообщить об условиях, на которых эти материалы могли бы быть проданы музею. Я сообщил музею, что у меня есть мебель из дома Болдинских (Виляновых) из имения А. С. Пушкина в следующем комплекте: стол круглый красного дерева, диван красного дерева, шесть кресел и два мягких табурета.

Рассказав при этом, что мебель была приобретена примерно в конце 1916 года у Ильи Васильевича Бебешина, который купил ее у Виляновых, наследниц старушек Вассы Степановны и Анастасии Степановны, и что мебель в полном порядке, и я могу ее уступить за 25 тысяч рублей. При этом я приложил фотографии мебели».

Ответ из музея пришел в декабре. Его сотрудник Л. И. Пономарев просил Иконникова дать полный рассказ о связи мебели с Пушкиным.

В Горьком в это время жила Агриппина Васильевна Вилянова — племянница Февронии Ивановны, которая была при жизни владелицей мебели. К ней художник и обратился за разъяснением. Вот что написала Агриппина Васильевна в последующем, почти дословном изложении А. Д. Иконникова (оригинал письма не сохранился):

«Дом и флигель (в Арзамасе — П. Е.) был куплен в 1830 году. Брат Пушкина, Лев Сергеевич, и его дети бывали в доме Болдинских. В 30-х годах семья Виляновых, состоящая из простых хлебопашцев, была освобождена от крепостной зависимости А. С. Пушкиным и только после этого был куплен дом, в котором после и жила Феврония».

Иконников — Бебешину:

«Что касается близких отношений Февронии к Пушкину, то Агриппина Васильевна заявляет, что Феврония знала Пушкина, но о какой-либо близости — ни в коем случае. Наоборот, «ничего исторического не было» и с чисто мещанской добродетельностью заявляет в подтверждение крайней скромности Февронии, что и 12 племянниц Февронии остались девицами, не выйдя замуж, как и Феврония».

Художник отослал в Москву собранные версии о связи мебели Виляновых с Пушкиными. Музейщики оказались осторожными:

«Весьма интересные материалы о «болдинской» мебели, вами любезно сообщаемые... Материалы, имеющиеся в музее, и печатанные сообщения (см. заметку Чернышева в сборнике «Звенья», т. VI) дают некоторую возможность, вместе с вашими сведениями, предполагать известную степень вероятности принадлежности мебели Болдину. После дополнительных справок музей командирует, но не ранее апреля 1940 года, одного из сотрудников для непосредственного осмотра мебели. Тогда же будет разрешен вопрос об оценке ее. О времени выезда сотрудника вас уведомим. Зав. госмузеем А. С. Пушкина И. Ф. Каргалов. Зав. сектором фондов Л. И. Пономарев».

Иконников — Бебешину:

«У Илюши Бебешина я ее купил, заплатив около 300 рублей, а просил его продать пушкинскую мебель с момента, как я ее увидел на даче на реке Сереже в 1912 году. А продать тороплюсь потому, что молодежь не бережливо обращается с мебелью, а я старый пушкинист... Я подтверждаю, что мебель, которую я предлагаю — мебель из Болдина, пушкинская».

Музей почему-то не решался купить мебель, и А. Д. Иконников уже просил Константина Васильевича Бебешина выступить посредником в купле-продаже. Теперь художник убеждал уже земляка в письме от 27 ноября 1939 года:

«... Известно, что во флигеле гостили Пушкины и дети Льва Сергеевича. Надо думать, что мебель, которую я предлагаю музею, была не в доме, а во флигеле, т. к. ее хорошая сохранность говорит о том, что ею пользовались лица с определенной культурой, а не пахари, какими приехали освобожденные Виляновы... Мебель была в чистой комнате и бережно охранялась. Я от своей матери слышал, что у Болдинских все вывезено из Болдина, как подарки Пушкиных».

Уже после войны, после смерти мужа, жена художника Мария Григорьевна писала все тому же К. В. Бебешину, что продаст мебель недорого, что читала в свое время письмо — ответ Агриппины Васильевны Виляновой к мужу и помнит, что Вилянова писала еще вот о чем: «Нам подарил дом в Арзамасе Пушкин, а мебель перевезена из Болдина, стояла она во флигеле, где Феврония Ивановна жила. Несколько раз приезжал Лев Сергеевич и тоже жил во флигеле с дочерьми и Феврония Ивановна с ними».

После войны работники музея А. С. Пушкина в Москве соглашались вернуться к разговору о мебели, но, видимо, высокая стоимость ее, объявленная Иконниковым, опять не привела к соглашению.

Мебель была продана женой художника в частные руки в 1952 году.

Мебель из арзамасского дома Виляновых в музее-заповеднике А. С. Пушкина в Болдине.

В сентябре 1969 года нам довелось встретиться с Марией Григорьевной Иконниковой, и на вопрос о мебели она ответила:

— Приехал архитектор Александр Николаевич Кожин, купил мебель и увез ее в Таллин.

Эти слова подтвердил и младший брат художника Иван Дмитриевич Иконников.

Информацию о мебели архитектор, видимо, получил от проживающего в то время в Ленинграде искусствоведа, историка Арзамасской школы живописи академика Ступина П. Е. Корнилова, который неоднократно бывал в Арзамасе, постоянно поддерживал с Иконниковым дружеские связи.

Мебель Виляновых — уж такова ее судьба — заколесила по стране. Архитектор Кожин после ремонта, по словам Марии Григорьевны, продал ее за «большую цену». Она оказалась в Молдавии. Потом ее приобрел музей А. С. Пушкина в г. Пушкин (бывшее Царское Село), а через годы ее переслали Болдинскому музею.

Во всей этой переписке о мебели есть одно подчеркиваемое: Агриппина Васильевна пишет, со слов М. Г. Иконниковой, что Виляновым дом в Арзамасе был подарен Пушкиными.

Что же такое этот дом?

Нагорная, юго-восточная часть города, — это купеческо-мещанский в прошлом угол. Дворяне-то чаще селились в северо-западной стороне — ближе к Воскресенскому собору, по улице Сальниковой, в приходах Спас-

ской, Троицкой, Духовской и Крестовоздвиженской церковей. Но с другой стороны, дворянские гнезда появлялись и на окраинах Арзамаса — усадьба Рачинских, дом князей Оболенских стояли в конце Рождественской улицы, где ютилась на Задувалихе всякая беднота, а усадьба Ермоловых располагалась в бедном приходе Алексеевской церкви...

По рассказам А. П. Цветаева, преподавателя педтехникума, а он собирал и давал сведения о Виляновых В. Чернышеву, Феврония Ивановна «купила себе дом в Арзамасе у какого-то помещика». И хотя дом этот скорее всего обрел в городе ее дед, Степан Сидорович, что в 1835 году значился арзамасским купцом, для нас пока важным тут является сообщение: «дом помещика».

На страницах своих хорошо аргументированных «Исторических сведений о городе Арзамасе» — книги, что напечатана в 1911 году, арзамасский историк Н. М. Щегольков перечисляет фамилии дворян, живших некогда в Арзамасе. Среди них: Приклонские, Пушкины, Полочениновы, Ханьковы, Панютины, Чемодановы, Анненковы, Ермоловы, Баженовы... «Все эти дворяне-домовладельцы съезжались в Арзамас, чтобы повеселиться в аристократическом кругу... веселиться они умели: балы у них сменялись один за другим, разнообразились съездом в так называемое дворянское собрание, которое с течением времени переродилось в Арзамасский общественный клуб».

Кто же из Пушкиных мог жить в Арзамасе в XVIII веке?

Во второй половине XVII столетия Болдином владели: сын Федора Пушкина, окольный Иван Федорович, затем внук его, стольник Иван Иванович. Последний умер в 1717 году. Он-то и передал по завещанию село Александру Петровичу Пушкину — это прямая родовая линия поэта.

Женой А. П. Пушкина была Евдокия Ивановна Головина — дочь денщика Петра I. Брак окончился трагически. Поэт писал, что прадед «в припадке ревности или сумасшествия зарезал жену, находящуюся в родах».

А. П. Пушкин окончил дни свои в тюрьме под следствием. У него остался сын Лев Александрович, родившийся 17 февраля 1723 года, — дед поэта. Лев Александрович дослужился до чина подполковника. В 1762 году, во время вступления Екатерины II на престол, остался верен несчастному Петру III, которому присягал, и попал под арест на два года. После освобождения «... он, — писал Александр Сергеевич в своей известной родословной, — уже в службу не вступал и жил в Москве и в своих деревнях». Крутой к крестьянам, Лев Пушкин был настоящим деспотом и в семье. Женился он на шестнадцатилетней Марии Петровне Воейковой. Ревновал жену к французу — учителю детей, приговорил его собственным судом к повешению, но не повесил, а привязал к воротам, зверски избил. А жена

оказалась запертою в подвале и просидела там на хлебе и воде около года. Едва родственники вырвали ее из рук жестокого феодала.

Лев Александрович до конца так и остался ревнивцем. Вторую жену, Ольгу Васильевну, в девичестве Чичерину, ревновал неимоверно — всюду возил ее с собой, даже и тогда, когда ездил куда-нибудь по делам. В карете она и родила сына, вспоминал поэт.

У Л. А. Пушкина от Чичериной родилось два сына: Василий (1767—1830) — известный литератор, любимец московских салонов, и Сергей Львович (1770—1848) — отец поэта. Дети воспитывались в Москве, куда семейство переехало в 1788 году.

Итак, возможно, еще Александр Петрович Пушкин мог иметь дом в уездном Арзамасе. Уезд тогда и вплоть до 1799 года вбирал в себя Ардатовский, Лукояновский, Починковский, Сергачский уезды. Так что Пушкины издавна были землевладельцами Арзамасского уезда.

В старину многие «достаточные» помещики имели свои дома в уездных городках, где они недурственно, как пишет арзамасский историк Н. М. Щегольков, проводили долгое зимнее время.

Имели свой дом и Пушкины — у нас нет оснований не доверять слову добросовестного краеведа, который изучал уездный архив еще в его начальной дореволюционной полноте. Лев Александрович, унаследовавший дом от своего родителя, надо думать, жила в нем, пусть не постоянно, в 1740—1750 годах, наездом, останавливался в нем и в 1789 году, когда в Болдине закладывалась церковь. Умер дед поэта в 1790 году.

Дом Виляновых в Арзамасе и дом Пушкиных в Болдине внешне схожи — тот и другой с мезонином. Впрочем, похожесть обоих домов может быть объяснена еще бывшим в моде в те времена ампирическим стилем в русской архитектуре, особенно в провинциальной. Но, может быть, родителю поэта было по душе, что его деревенский дом в Болдине принимает черты арзамасского дома деда и родителя, — Сергею Львовичу, столь чувствительному человеку, не чужды были, наверное, и мистические настроения...

В письмах А. Д. Иконникова К. В. Бебешину, в письме А. В. Виляновой упоминается флигель при доме. На фото художника он отсутствует, на его месте стоит двухэтажный дом. Все верно: Николай Васильевич Бебешин, купивший усадьбу Виляновых до революции, сломал флигель, и вот объявился он, двухэтажный «доходный» дом. Об этом вспоминал на страницах «Арзамасской правды» в 1937 году краевед А. Порошенков.

А. Д. Иконников, а он уроженец и старожил Арзамаса, проведенный детство именно в Ильинском приходе близ дома Виляновых, хорошо помнил флигель и, отправляя до войны фото дома Виляновых К. В. Бебешин-

Дом купцов Виляновых в Арзамасе на улице Ново-Плотинной. Худ. А. А. Бажанов.

ну, чернилами обозначил флигель. Трехоконный, он стоял в одну уличную линию с домом, на северо-восток.

Купив дом Виляновых, Бебешины, а скорее всего жильцы более позднего времени, явно исказили его начальный облик. На фото виден с северной стороны пристрой к мезонину, появился пристрой и с южной стороны первого этажа дома, благородный ампирный стиль искажен поздней накладной резьбой и только «сухарики» антаблемента да широкое полуциркульное окно жилого мезонина в юго-восточной части еще напоминали о былой стильной красоте жилья богатого владельца.

Дом стоял на обширной усадьбе. Надежда Дмитриевна Архангельская, старожил города, рассказывала: «у них, Виляновых, большой и очень хороший сад. В этом саду стояла маленькая избушка, в ней жила Анисья Васильевна, родственница Виляновых. А домом-то владели «тетушки болдинские» Васса и Анастасия, обе Степановны».

Итак, несомненно, что дом Виляновых с его большой усадьбой, флигелем, а ранее с вместительными хозяйственными постройками, принадлежал явно состоятельным людям.

...В 1825 году братья Пушкины, Сергей и Василий Львовичи, побывали в Болдине. Раздел имения между братьями учинился еще в 1803 году, а теперь они приезжали, чтобы принять сельцо Кистенево после умершего брата Петра Львовича.

В 1826 году, как известно, богатые Виляновы откупились на волю. Наверное, тогда или чуть позднее Пушкины и «подарили» или, возможно, продали своим отпущенникам дом отца в Арзамасе.

Подкупает слово «подарили». Освобожденные из неволи, уже землевладельцы, Виляновы едут на житье не в свой уездный Сергач, не в Лукоянов, где тоже можно было бы развернуться на торговой стезе, и к своей земле ближе, а в далекий Арзамас, где и без них хватает ловких, оборотистых купцов... Порастрясли-таки мощну Виляновы на свободу... В Сергаче, Лукоянове — где угодно: на жилье-то для большой семьи немало бы тех рублей потребовалось. Дареная усадьба: дом большой, надворные строения, сад — это и привело болдинцев в Арзамас.

Пушкины подарили — если действительно подарили, а может, и задешево уступили, дом, конечно же, неспроста, не в минуту налетного благодушия, хотя бурмистры и вотчинные начальники Виляновы много лет — не забывая о себе, конечно, выколачивали для своих господ оброчные и прочие подати из болдинских и кистеневских мужиков... Братья трезво заглядывали вперед. Постоянно ездить в свою вотчину записным москвичам Пушкиным охоты не будет, Сергей Львович понимал, что его гениальному сыну надобно жить поближе к печатному станку ко благу отечественной литературы и ко благу своего дорогого семейства... Так что большой дом в Арзамасе Пушкиным более без надобности. За него, кстати, как и за землю, строения, следовало платить городу узаконенные поборы, а потом содержание нежилого строения, включая охрану кем-то из своих крепостных, — дело накладное. И вот, к разговору нашему и далее в плане предположений, очень вероятных, впрочем, братья Пушкины и договорились с Виляновыми, что впредь навсегда флигель дома будет для всех господ Пушкиных временной квартирой при обязательных поездках в Болдино по делам имения.

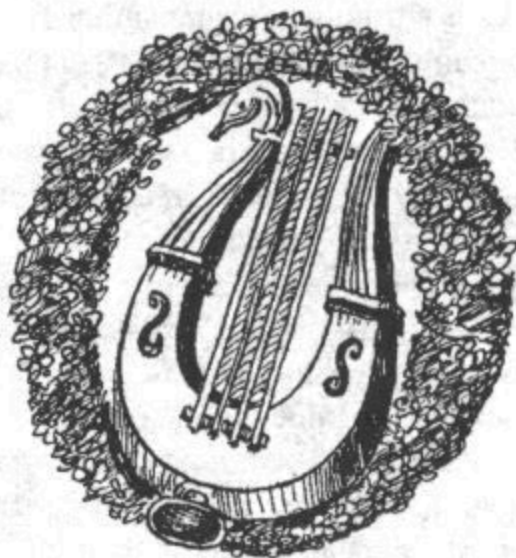
Виляновы, конечно, согласились с предложением: высокая честь для них — принимать дорогих гостей... И понятно теперь, почему позже, по сообщению Виляновых, брат поэта, Лев Сергеевич, его жена, дети, да и другие Пушкины, кто владел имением, неизменно останавливались в доме на Ново-Плотинной улице...

Становится понятна и история мебели. Одно из двух: или она и до Виляновых стояла в доме Льва Александровича Пушкина (позже журналист Ник. Ашешов видел в комнатах Виляновых явно барскую мебель — «зеркала в широких рамах старинного красного дерева»), или стол, диван и кресла действительно подарены Виляновым из болдинской, либо из кистеневской усадьбы для господских нужд. При этом и оговорено было, что мебель украсит именно флигель, в котором потом и проживала столь ревнивая к барскому добру Феврония.

О том, что «барская» мебель дома Виляновых имела связь с имением Пушкиных, автору этих строк говорил и зять художника Иконникова. 20

июня 1974 года Иван Сергеевич Поликанов, подполковник в отставке, будучи в Арзамасе, сказал, что еще до войны, когда решался вопрос о продаже мебели в Госмузей А. С. Пушкина, он слышал от Алексея Дмитриевича, что отец А. В. Виляновой привез мебель из пушкинского дома.

Возвращение старинной мебели в Болдинский музей — законное обретение ею своего прежнего места в старом пушкинском доме...

И ПРЕДСТАЛИ ПЕРЕД ПОЭТОМ

В ноябре 1811 года Александр Васильевич Ступин — «заводитель дела необыкновенного в России» — получил от Петербургской Академии художеств очередное извещение. Конференц-секретарь Александр Федорович Лабзин писал:

Академия «...получила от Вас при рапорте прошедшего августа 16 дня 4 живописные картины и несколько рисунков учеников Ваших, при рассмотрении нашла к удовольствию своему в оных хорошие способности и отличные успехи учащего и учащихся, оправдывающие ее надежду, какую она имеет на Ваше старание и таланты в образовании новых художников; выставлены были в академической зале во время открытия ее минувшего сентября с 1-го числа».

И в следующем году опять А. Ф. Лабзин сообщал А. В. Ступину, что «...присланные работы учеников Ваших выставлены были вместе с произведениями прочих художников для зрения публики в академической зале во время открытия сентября 1-го числа».

Годичные выставки работ питомцев Академии были настоящими праздниками русского изобразительного искусства, на них спешил весь Петербург, включая особ царской фамилии. Посещал залы Академии и Пушкин. Он рано, таким образом, познакомился с работами учеников Арзамасской школы живописи, не мог не обратить на них внимания уже потому, что они подавались под особым аншлагом. И, надо думать, неравнодушным взглядом смотрел поэт на рисунки и полотна нижегородцев, чье мастерство ценилось как профессорами Академии, а равно и рядовыми ценителями искусства. Недаром в 30-е годы прошлого века очень известная писательница Мария Семеновна Жукова, с дочерней любовью описывая Арзамас, сообщала:

«Если я прибавлю несколько слов о школе живописи, которой произведения принимаются с похвалою на нашей столичной выставке художников, вы узнаете мой маленький городок».

Это писательница говорила о школе Ступина, в которой она сама получила немало отличных уроков в познании рисунка и живописи.

Не только в Петербурге, но затем и в Нижегородской губернии Пушкин близко соприкоснулся с творчеством ступинцев.

А случилось это так.

26 ноября 1830 года поэт вписал в альбом Дмитрия Алексеевича Остафьева — интересного человека, участника войны 1812 года, стихотворение Г. Р. Державина «Река времен».

Академик А. В. Ступин — организатор первой провинциальной школы живописи в России. (1766—1861 гг.)

Д. А. Остафьев — брат владелицы недалекого от Болдина имения Апраксино Натальи Алексеевны Новосильцевой. В этом селе, по воспоминаниям современников, Пушкин бывал в свой первый приезд в родовое имение, здесь записал он народную песню «Как у нас было на улице», а еще и сделал набросок местного пейзажа.

Настроение поэта в то время складывалось не очень-то веселым. Холера заперла его в деревенской глуши, он жил в постоянной тревоге за семью Гончаровых, за свою невесту...

Перелистывая альбом, Пушкин, конечно, обратил внимание на стихи своего дяди Василия Львовича, который осенью 1812 года вместе с другими московскими литераторами оказался в Нижнем Новгороде. Разумеется, поэту вспомнилась недавняя печальная кончина дяди, и вот этот грустный настрой и подсказал державинские слова:

*Река времен в своем теченьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей,
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.*

Поэт записывал элегические строки по памяти, первая строка у Г. Р. Державина заканчивалась словом «стремленьи».

Остафьевский альбом — содержательный памятник поэтического и изобразительного творчества первой половины XIX века, в нем с 1811 по 1830 годы находим около ста стихотворений, басен, песен, эпиграмм. Страницы альбома содержат автографы В. Л. Пушкина, Владимира Филимонова, А. Ф. Мерзлякова, нижегородцев: Д. А. Остафьева, А. Новосильцева, Антона Ольшевского, С. П. Званцева и др. В альбоме читаем и элегию поручика И. А. Анненкова, будущего декабриста.

Альбом представляет большой интерес и тем, что содержит около 40 рисунков, выполненных карандашом и акварелью. Некоторые из них — работы учеников Ступинской школы.

Страница 189, карандашный рисунок.

Полный низенький человек в шляпе и крылатке профильно стоит, сцепив на груди руки, с тростью под мышкой. Старичок явно из веселых натур: щеки яблоком, так он заразительно смеялся... Противу маленького, совсем рядом, возвышается высокий худой в мундирном фраке и с зонтом под мышкой. Парик на голове подсказывает, что это лицо чиновное.

Глядя на рисунок, Пушкин, несомненно, улыбнулся: карикатура явно удалась автору. Под рисунком подпись: «1821 г. И. Озерский».

В альбоме еще два рисунка этого бывшего ученика Ступина.

Кто он таков, Иван Гаврилович Озерский? Мы знаем о нем лишь короткую биографическую справку.

Родом из Сергача, звания мещанского. Четыре года учился в Арзамасе, в 1815 году поступил в Академию художеств, где за успехи получил две серебряные медали. После учебы вернулся в родные края с аттестатом первой степени, художником портретной живописи. О творческом наследии Ивана Озерского ничего неизвестно, и вот эти три рисунка его в Остафьевском альбоме представляют большую ценность.

Не оставил без внимания поэт и рисунки на страницах 14, 33 и 96 — мастерские рисунки! Вот два херувима — одухотворенные, чистые образы. А на вклеенном рисунке изображены два мальчика. Работа напоминает учебные штудии: один мальчик в энергии движения, а другой статичен, в некой меланхолии — характеры схвачены очень реалистично.

Под первым рисунком читается помета: «Ив. Горбунов. 18 марта 1814 года».

Эти три рисунка тоже хорошо добавляют к творческому наследию талантливого питомца школы Ступина.

Иван Михайлович Горбунов — дворовый человек капитана Братцева, помещика из д. Беклемишево Корсунского уезда Симбирской губернии, в 1802 году привезен в школу Ступина, окончил ее и весной 1809 года учитель отвез талантливого юношу в Академию художеств, где он получил серебряную

медаль. Профессор Егоров А. Е. говорил о своем ученике: «Упражнялся с совершенным прилежанием и отличным рачением к художеству». Сам Ступин так аттестовал Ивана Михайловича: «... в скором времени в рисовании и живописи портретной оказал неимоверные успехи... вышел таким портретистом, что наряду бы стал с первоклассными мастерами...»

В 1817 году за портрет Ступина Академия художеств наградила Горбунова аттестатом первой степени. Вольную художник получил от вдовы своего барина только в 1816 году. После учебы в Академии он преподавал и работал в родной школе. С 1835 года находился в с. Лысково Макарьевского уезда, а затем снова вернулся в Арзамас, где и умер в 1837 году.

К сожалению, время сохранило очень немногое из работ этого исключительно одаренного художника из крепостных. Два портрета Ступина — первый 1809 года. В Горьковском художественном музее находится портрет участника Отечественной войны 1812 года и деятельного члена нижегородского музыкального кружка Улыбышева — М. И. Аверкиева и его жены. Еще одно живописное полотно в этом музее имеет атрибуцию «Бабушка и внучка». А совсем недавно нам стало известно авторство Горбунова под портретом Екатерины Михайловны Ступиной — жены художника. Работа находится в Кисловодской галерее.

Как художник Иван Горбунов открылся Пушкину еще до встречи с альбомом Д. А. Остафьева. До 1825 года арзамасец предположительно написал портрет владельца Кистеневской усадьбы Петра Львовича Пушкина — дяди поэта. Известие об этом портрете нам донесла опись имущества усадьбы, составленная в июне 1825 года, когда Петра Львовича не стало. В документе дословно сказано: «Картин: покойного портрет, писанный академиком Горбуновым, в вызолоченной раме». Этот портрет, надо полагать, висел уже в Болдинском доме, и Пушкин сразу по приезде увидел его и по достоинству оценил.

Две небольшие работы И. М. Горбунова находились в личной коллекции профессора Д. А. Бялика в Горьком.

В альбоме Д. А. Остафьева находим и несколько карандашных рисунков выпускника Академии художеств Михаила Тихонова.

Определенным образом судьба Михаила Тихонова связана с Арзамаской школой живописи. В 1813 году Ступин, будучи в Петербурге, попросил Тихонова приглядывать за учебой сына Рафаила в академии, а также и за его поведением. После Александр Васильевич вспоминал:

«Сына поручил доброму и отличному художнику Тихонову».

Михаил Тихонов с пониманием отнесся к просьбе старшего собрата по ремеслу и подарил в галерею Арзамасской школы свою картину «Раскаянье Каина».

*Здание школы живописи А. В. Ступина в Арзамасе. Угол Прогонной и Троицкой улиц.
1813 г. Арх. М. П. Коринфский.*

Эта личная и творческая связь, к сожалению, скоро прервалась. Осенью 1817 года Михаил Тихонов отплыл на военном шлюпе «Камчатка» под командованием капитана В. М. Головнина в кругосветное путешествие, во время которого и раскрылся в полной мере его яркий талант. В сентябре 1819 года художник вернулся в Петербург.

В Остафьевском альбоме обращает на себя внимание рисунок из народной жизни «Гадание», явно навеянный балладой В. А. Жуковского «Светлана». Тут налицо отточенное мастерство рисовальщика, прекрасная академическая выучка.

Из альбома узнаем, что на его страницах в 1815 году Михаил Тихонов выполнил два портрета, а в 1821 году — две жанровые картинки «Гадание» и «Девочка с вязанием».

Каким образом ступинцы приняли участие в украшении альбома?

Дмитрий Алексеевич Остафьев вполне сознавал, какой большой ценностью становится альбом, и старался украсить его работами незаурядных художников. В этом плане он сделал честь Ступинской школе.

Легко объяснить работы Ивана Гавриловича Озерского в альбоме. Мастер из Сергача, Д. А. Остафьев — помещик недалекой княгининской округи, художник ездил по усадьбам, писал господ...

Работы Ивана Михайловича Горбунова относятся к расцвету его таланта. Первый рисунок от 18 марта 1814 года выполнен вскоре после возвращения художника из Академии. Где-то в это время, вероятно, им написан и портрет П. Л. Пушкина. Возможно, то и другое выполнено в Кистеневке, Апраксине, рисунок мог появиться и в Арзамасе. Д. А. Остафьев, возивший альбом с собой, мог остановиться в городе, ведь в Арзамасе жил Андрей Васильевич Остафьев, несомненно, родственник. Он, штабс-капитан, помещик села Лопатина Арзамасского уезда, был известен в нижегородских кругах как защитник прав женщин. В апреле 1816 года Андрей Васильевич подал министру юстиции свой «проект», в котором предлагал ввести разумные меры в защиту простых женщин-солдаток. Министр не «заблагорассудил», не представил «проект» на рассмотрение царя, сдал его в архив. Так-то спокойнее! Вообще фамилия Остафьевых в Нижегородской губернии была очень разветвленной. Тот факт, что один из рисунков Горбунова наклеен на лист альбома, говорит о том, что его владелец очень ценил работы арзамасца.

Сложный вопрос: где Михаил Тихонов дважды поработал в альбоме Д. А. Остафьева, что связывало их? Не был ли художник бывшим крепостным одного из тех многочисленных князей Голицыных, что владели поместьями в Нижегородском, Балахнинском, Сергачском, Арзамасском и Лукояновском уездах? Не приезжал ли Михаил Тихонов к родным после окончания академии и после возвращения из кругосветного плавания на «Камчатке»? В этом случае художник, повидавший многие чудеса обоих полушарий Земли, ставший своеобразной знаменитостью, был очень желанным гостем многих и дворянских гостиных. А если встречи владельца альбома с художником состоялись в Петербурге, то опять же нужна была какая-то особая, возможно, земляческая связь, которая и привела к доброму знакомству.

Время, быть может, откроет завесу и этой тайны. Для нас сегодня важным является то, что Ступинская школа рано вошла в сознание Пушкина, работы арзамасцев предстали перед поэтом в самую вдохновенную пору его жизни, и он, чуткий к творчеству других, несомненно, по достоинству оценил их.

ДОЖИВАЛА В АРЗАМАСЕ

М еще одно имя Пушкиных в истории Арзамаса. Ольга Львовна Пушкина — дочь Льва Сергеевича, брата поэта...

Лев Сергеевич родился в 1805 году, был в общем-то характерной личностью. Военный, окончил в 1842 году службу майором. На южных театрах военных действий отличался безоглядной храбростью в сражениях, получал воинские награды. Весельчак, прекрасный декламатор стихов знаменитого брата, душа всех офицерских компаний, галантный кавалер в дамском кругу. При жизни Александр Сергеевич постоянно заботливо опекал Левушку, часто журил его за лихое молодечество в боях, за веселую беспечность, но и горячо любил младшего.

Выйдя в отставку, Лев Сергеевич дослужился до чина надворного советника в портовой таможне Одессы. Там, он и умер в 1852 году.

...После смерти отца, в 1848 году, Лев Сергеевич наследовал половину Болдина. Он приезжал в село в октябре 1849 года и прожил тут десять дней.

Лев Сергеевич женился в Одессе 13 октября 1843 года на дочери действительного статского советника А. М. Загряжского — Елизавете Александровне, имел троих детей: Ольгу, Анатолия и Марию.

Оставшись одна, Елизавета Александровна в 1853 году переезжает в Болдино с детьми в роли опекуни детей, заботливо управляет имением.

Ольга Львовна родилась 21 сентября 1844 года, получила «домашнее» воспитание. В 1862 году, восемнадцати лет, она вышла замуж за Якова Григорьевича Хоботова, мелкопоместного дворянина Нижегородской губернии и мелкого чиновника в чине коллежского регистратора.

Во втором браке Ольга Львовна была за Константином Францевичем Оборским.

Случилось так, что служить второму мужу Ольги Львовны акцизным чиновником пришлось в Арзамасе.

О семье Оборских рассказывала старожил города, учительница Мария Алексеевна Холоднова. А ей, в свою очередь, передала свои воспоминания инженер-строитель Мария Александровна Будылина — дочь известного купца Александра Алексеевича Будылина.

Отец Марии Александровны владел, между прочим, двумя домами-близнецами, что теперь на Соборной площади в Арзамасе. В том из них, где нынче продовольственный магазин, находился до революции ренсковый погреб по продаже красных вин.

Оборский вначале по делам службы, а после и частным образом близко познакомился с Будылиными, часто бывал у них с женой в доме.

М. А. Будылина вспоминала, что Оборские — простые, милые, общительные люди. И в доме отца, и в других домах Арзамаса они всегда являлись желанными гостями.

Квартировали Оборские на бывшей Сальниковой улице. Дом их за прежним номером 11, к сожалению, теперь не существует.

Константин Францевич оставил о себе добрую память в среде арзамасской интеллигенции. Он организовал самодеятельный театр, который стал заметным культурным очагом города. На подмостках его ставили пьесы из репертуара столичных театров. В 1886 году в газете «Нижегородские губернские ведомости» опубликована статья об арзамасских энтузиастах театрального дела.

К. Ф. Оборский умер в 1898 году. Ольга Львовна тяжело переживала одиночество и решила уйти на «покой» в Арзамасскую Алексеевскую общину.

*Алексеевская женская община в Арзамасе (вид с юго-западной стороны).
В этой общине и доживала Ольга Львовна Оборская (Пушкина) (1844—1920 гг.)*

Обратимся за справкой к книге Б. И. Модзалевского и М. В. Муравьева «Пушкины. Родословная роспись». Л. 1932. На странице 59 сказано:

«Ольга Львовна, род. 21.IX.1844 г., умерла 26(?) .IX.1920 года. В 1902 году она постриглась в Алексеевском монастыре в Арзамасе».

Теперь можно сказать, что последнее утверждение Б. И. Модзалевского и М. В. Муравьева отчасти ошибочно. В архиве Арзамасского районного ЗАГСа запись о смерти Ольги Львовны сделана 11 октября 1920 года. Умерла, как говорили в старину, «от престарелости». Смерть племянницы поэта засвидетельствована врачом Н. П. Федоровым.

Ольга Львовна вовсе не постриглась, она доживала свой век в общине — это нередко практиковалось в старое время одинокими обеспеченными людьми.

В Алексеевском монастыре по давнему обычаю можно было откупить келью, комнату, даже домик, занимать помещение до конца жизни, а после смерти оно снова переходило в собственность общины. Живущему «на покое» игуменья предоставляла послушницу для услуг, кроме того, новожительница при желании могла бесплатно питаться в скромной монастырской трапезной.

Мария Александровна Будылина часто навещала Ольгу Львовну в монастыре, она и похоронила Оборскую на бывшем Всехсвятском кладбище.

Нам посчастливилось поговорить об Ольге Львовне и с бывшей монахиней Алексеевского монастыря, в миру Анной Евграфовной Малиновой незадолго до ее смерти в 1971 году. Адрес был подсказан Екатериной Петровной Ганиной.

Вспоминала Анна Евграфовна охотно, добрые старческие глаза ее потеплели.

— Как же, батюшка, знала я Ольгу Львовну!

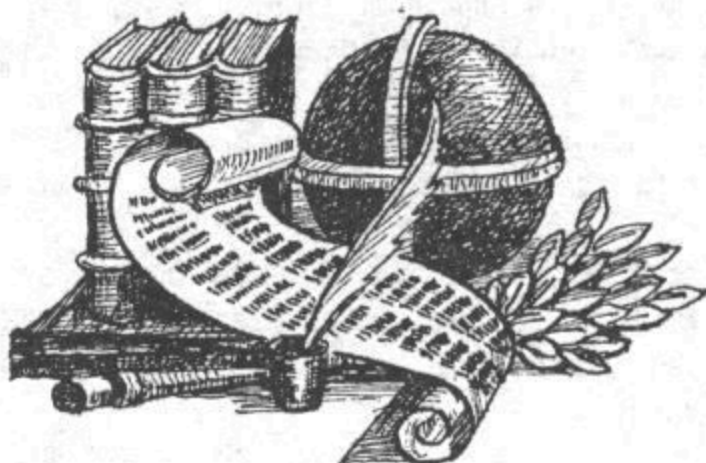
Не торопясь, старушка прикладывала слово к слову:

— В двенадцатом году девочкой пришла я в монастырь — это после ученья в Нижнем. Как в общину, бывало, зайдешь, деревянный домик одноэтажный за палисадником стоял. В одной половине его и жительствовала Ольга Львовна. А во второй-то половине домика сестры гладью вышивали... Уж старенькая Ольга Львовна была. Часто со своей «хожаткой», с Елизаветой Васильевной гуляла. Что же... Приняли Ольгу Львовну в обитель, темную одежду она носила, а пострига не то что большого, но и малого не принимала. И то еще помню, что коза у ней была да курочка. Кошек отчего-то боялась, мы их убирали, прогоняли с глаз... Идет, бывало... Личико продолговатое, нос греческий — красивая. Представьте, до самого преклонного возраста держалась прямо. А характером замкнутая, почти никого до себя не допускала, идет величавая, невольно уступишь дорогу. Стол у нее был аристократический, не то что у всех монахинь... В городе у Будылиных часто гостевала... Рукодельничала.

— Анна Евграфовна, не приходилось ли вам слышать от Ольги Львовны о дяде своем, поэте?

— Как же без этого! Только сдается мне, она не очень-то Александра Сергеевича жаловала, так мне казалось. Потому, может быть, что все Сашка да Сашка...

Арзамасцам остается только сожалеть, что в городе не сохранили могилы родной племянницы Пушкина.

ЗА СТРОКОЙ ПУШКИНА

Пушкинист Н. И. Куприянова в своей книге «К сему: Александр Пушкин» среди прочего предлагает читателю версию происхождения имени главного персонажа романа «Дубровский».

Начально Пушкин назвал роман «Островский», использовал подлинные события: небогатый белорусский дворянин Островский по решению суда лишается имения, начинает разбойничать со своими крестьянами. Отдельные пушкинисты утверждают, что поэт был знаком с преданием о бунте мужиков псковского помещика Дубровского в 1737 году, в котором барин занимал антиправительственную сторону.

Н. И. Куприянова связывает название романа с нижегородской, а точнее, с арзамасской дворянской фамилией. Обоснование: в 1621—1623 г. г. согласно писцовым книгам Арзамасского уезда, Залесского за Шатковскими воротами стану, деревня Апраксино на речке Пьяне значилась за Богданом Дубровским. Предание о помещике могла сообщить Пушкину во время его первого приезда в Болдино новая владелица села Апраксино Наталья Алексеевна Новосильцева или ее брат Дмитрий Алексеевич Остафьев.

Во второй своей версии Н. И. Куприянова связывает имя главного героя произведения с названием деревни Дубровка. Таких селений в Нижегородской губернии было несколько. Исключается лишь лукояновская Дубровка, что появилась много позже написания романа. Н. И. Куприянова уточняет, что внимание поэта могла привлечь Дубровка Сергачской округи, что принадлежала помещице Н. Н. Топорниной.

К этому, достаточно вескому обоснованию добавим, что Пушкин действительно брал географические названия для преобразования их в фамилии. Вспомним, в повести «Барышня-крестьянка» — а она окончена в Болдине 20 сентября 1830 г. — один из ее героев назван Г. И. Муромским. Случайно? Да нет, поэт ровно двадцать дней назад проехал древний Муром, город еще не уходил из памяти...

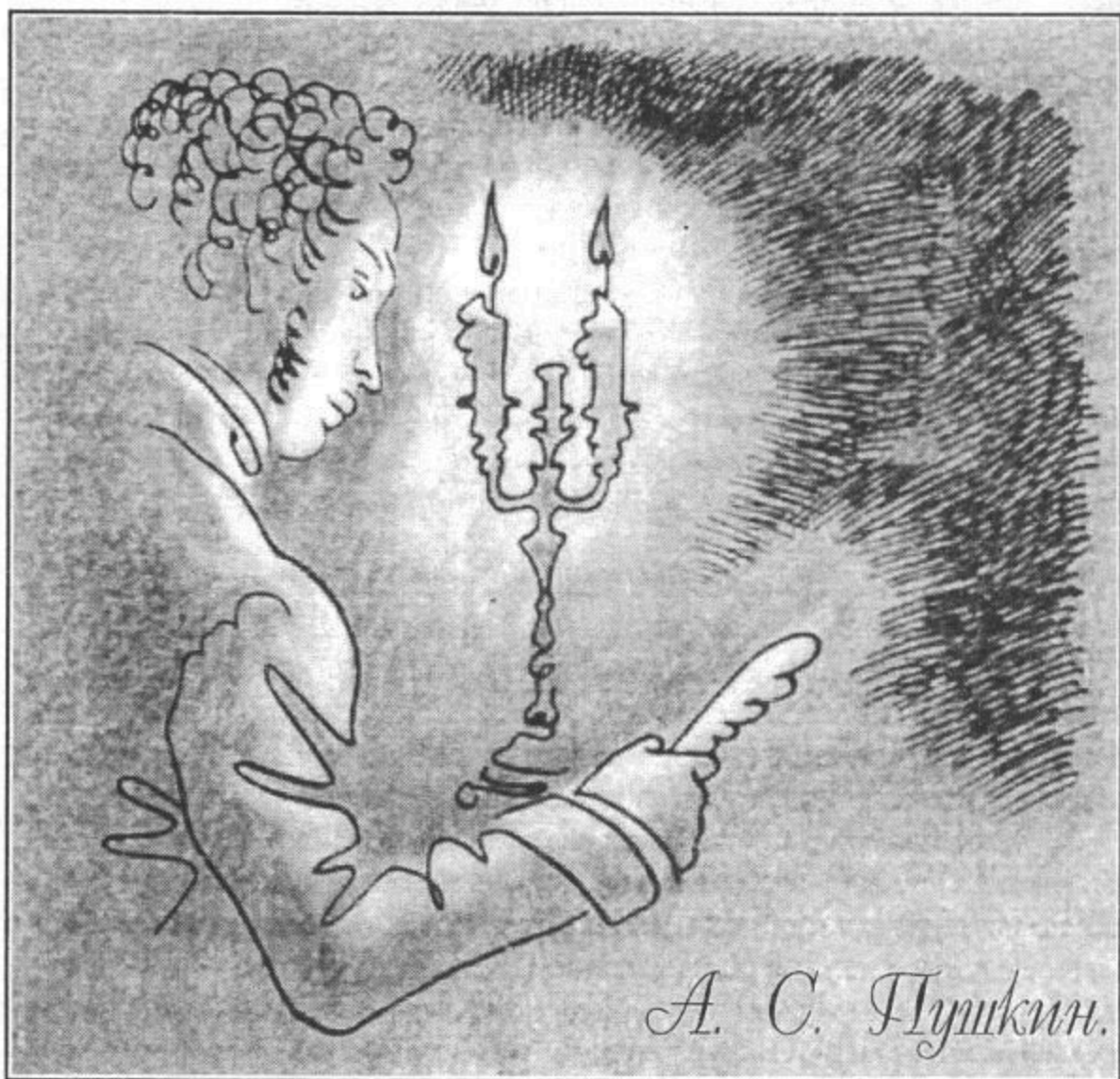
А вот что рассказывает пушкинист А. А. Еремин:

«В 1802 году помещик Дубровский жаловался нижегородскому генерал-прокурору, что незаконно отнято имение, принадлежавшее его родственнику, и что это беззаконие нижегородский уездный суд утвердил, и имение осталось за женой губернского прокурора Юдина.

Возможно, от уездных чиновников, с которыми приходилось (Пушкину) встречаться в 1830 году при вводе во владение Кистеневом, он услышал и о судебном деле Дубровского».

К названию романа, по нашему мнению, мог подтолкнуть автора и еще один арзамасец — Дубровский. Такую фамилию носил в нашем городе протоиерей Воскресенского собора Стефан Пименович. Происхождение его неизвестно. Он окончил духовную семинарию, служил чиновником губернского правления в Пензе, затем принял сан, священствовал в селе Воскресенском на Ветлуге, а в самом начале XIX века уже протоиереем переведен в Арзамас во Владимирскую (Зосимовскую тож) церковь. В 1812 году назначен в Воскресенский собор, где и служил до 1854 года, пока не был уволен «за штат» по болезни и старости. Умер о. Стефан в 1856 году.

Протоиерей Дубровский остался в благодарной памяти арзамасцев. Он отдал все свои силы общественному делу: строительству и украшению Воскресенского собора — величественного памятника победы русского оружия над Наполеоном.

Арзамасская молва связывает имя поэта со Ступиным. И от основателя школы живописи мог услышать Пушкин о Дубровском. Тем более, что академик и протоиерей всегда были в самых приятных отношениях, Ступин постоянно бывал в соборе, давал советы по его украшению.

Обо всем этом мы говорим еще и потому, что поэт явно тяготел к родному, нижегородскому. Вспомним в романе бедное имение Дубровского в Кистеневке. А настоящая-то Кистеневка рядом с Болдином... Далее в романе родовое село Троекурова названо Покровским. А ведь за Болдином, в двенадцати верстах, село Черновское в старые годы именовали Покровским. Рядом с ним ютилась деревенька Дубровка... Леса в окрестностях Черновского давно связываются местными жителями с именем Дубровского. Сохранилось предание, что он разбойничал именно в тех местах. А Кистенево еще и потому попало в роман, что с давних пор славилось «вольным, несколько отчаянным характером» его жителей. Да и названия-то улиц старого Кистенева были очень уж выразительны: Бунтовка, Самодуровка, Стрелецкая, Кривулица...

И вот представляется, что не псковская легенда, а своя, нижегородская была легла четкой канвой в основу романа. Быль эта такова. В 1790 году «разбойники» — такова чиновная терминология того времени — активно действовали в Лукояновском уезде, ватага лихих людей проникла в Болдино, на сторону бунтарей перешло четверо солдат местной воинской команды.

Еще о Дубровском. Мы обнаружили в фонде Арзамасской Спасской церкви «брачный обыск», из которого явствует, что в 1844 году чиновник из Нижнего Новгорода Петр Федорович Дубровский женится на дочери арзамасского военного. Этот факт наводит на мысль, что фамилия Дубровский вполне могла быть услышана поэтом в том же Нижнем. Полагаем, что, приступая к работе над романом осенью 1832 года, Пушкин не забывал узnanного на нижегородской земле. Не забылась — надеемся, что не забылась — и арзамасская фамилия Дубровский с польским именем Стефан.

Скажем и о других фамилиях в пушкинских произведениях. Троекуров... Мы сыскали в архивах подлинно «старинного русского барина». Князя Борис и Иван Ивановичи Троекуровы значатся в Закудемском стану — это по реке Пьяне, в 1623 году. Понятно, что фамилия князей существовала в памяти дворянства и позднее.

А теперь откроем «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Фамилия Белкин, несомненно, распространена теперь больше, нежели в старину... Где мог услышать ее Пушкин? Где угодно, поскольку затворником не был и перевидел множество людей. Но не арзамасец ли отчасти

утвердил фамилию рассказчика повествований? Да, служил в городе кварталным надзирателем первой (нагорной) части титулярный советник Григорий Герасимович Белкин. Жительствовал он по улице Набережной в доме под городским номером 418.

Мог ли слышать об арзамасском Белкине поэт? Очень возможно. 1 сентября 1828 года в школе Ступина застрелился талантливый крепостной художник Григорий Мясников. Причина самоубийства: юноша, как говорили в те времена, заболел свободой. Саратовский помещик Гладков вначале пообещал Григорию «вольную», а потом грубо отказал в ней. Долго тянувшееся, нашумевшее в губернии дело о самоубийстве Мясникова завершилось, наконец, в губернских инстанциях к великому неудовольствию арзамасских чиновников. Городничий Егор Бабушкин, уездный лекарь Костомаров, кварталный надзиратель Белкин нарушили ряд принципиально важных формальностей при дознании причин самоубийства крепостного, а также нарушили правила освидетельствования смертельного ранения юноши. Были скрыты и некоторые побочные детали, могущие пролить дополнительный свет на гибель Мясникова. Чиновные решили пустить дело «обычным порядком», но в губернии, после недавних событий 1825 года в Петербурге, по-особому взглянули на самоубийство крепостного строже, тем паче, что он оставил крамольную записку со словами, что умирает за свободу.

Арзамасские крючкодеи получили денежные штрафы и письменные нагоняи, имена их были на устах всех горожан. Давно знал поэт о школе Ступина из столичных газет, работы питомцев академика видел на годичных выставках Академии художеств. Слухи о вольнолюбивых устремлениях «крепаков» — куда это Белкин смотрел? — в 1830 году были предметом особых разговоров и в помещичьих гостиных, так что не мудрено было поэту, памятуя и об арзамасском служаке, окончательно дать фамилию своему литературному персонажу: Белкин.

Читая Пушкина, невольно вспоминаешь «Ревизора» Н. В. Гоголя. 7 октября 1835 г. Гоголь просил поэта дать какой-нибудь сюжет для новой «русской чисто комедии». В бумагах Пушкина сохранился набросок: «(Свиньин) Криспин приезжает в губернию... на ярмонку — его принимают за... губернатор честной дурак — губернаторша с ним кокетничает — Криспин сватается за дочь».

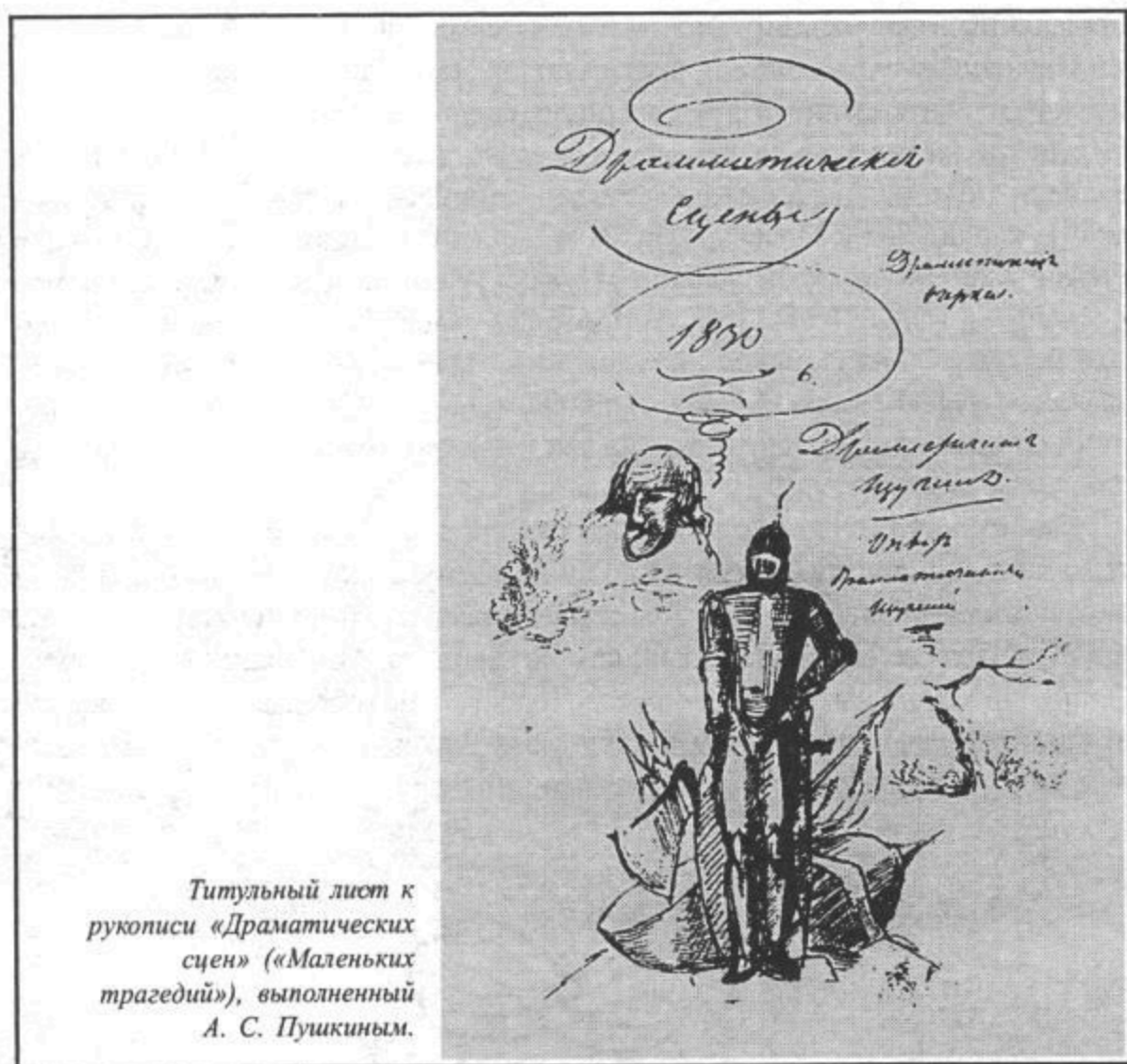
Нетрудно догадаться, о какой ярмарке идет речь у поэта: Нижегородской, конечно! Известный журналист и издатель «Отечественных записок» П. П. Свиньин в 1821 году действительно был в Арзамасе, Нижнем Новгороде и позже описал эту свою поездку на всероссийское торжище.

Комедийный замысел литературной заготовки просматривается сразу. Этот замысел диктовал, разумеется, не только коллизии сюжета, но и фамилии комедийных персонажей.

Бобчинский — очень звучало! И не трудно было Гоголю придумать фамилию другого героя: Добчинский.

Так вот, Федор Бобчинский мог быть «передан» Пушкиным Гоголю вместе с сюжетом, ибо это опять же фамилия нижегородского помещика. Такая фамилия сразу же вызывала невольную улыбку и запоминалась. Кстати, фамилия Бобчинских надолго задержалась на нижегородской земле. В Арзамасе доселе живут Бобчинские...

А где и как фамилия была услышана? Может, в том же Нижнем в 1833 году, когда поэт останавливался там в номерах Деулина и обедал у губернатора М. П. Бутурлина.

Титульный лист к рукописи «Драматических сцен» («Маленьких трагедий»), выполненный А. С. Пушкиным.

Открываем страницы «Моцарта и Сальери». Пьеса начата набросками еще в 1826 году, но написана в Болдине же, работа завершена 26 октября. Что же остановило поэта? Много было известных автору причин. На наш взгляд, Пушкин не сразу нашел ту мистическую ноту, которая бы придала пьесе особую окраску, особое звучание, без которых она была бы сведена к показу заурядного преступления.

Элементы мистики в творчестве не были чужды поэту. Уже в «Руслане и Людмиле» все выстроено на сказовой, мистической основе. На мистике во многом держится и «Каменный гость», когда в дом донны Анны приходит статуя командора... Наличествует вакханалия, но и элемент мистики в «Пире во время чумы». «Неосознанное», «сверхсознательное» — это же предпосылка романтизма конца XVIII — начала XIX века, и Пушкин был верным данником литературной моды. В теме — гений и злодейство несовместны — поэта привлекла уже сама мистификация конечных взаимоотношений известнейших музыкантов восемнадцатого столетия.

Наконец — напомним о сказанном — Пушкин был полон трудных, сложных переживаний в эту холерную осень 1830 года. Незваная гостья уже безжалостно косила людей — трагизм и суеверная опрометчивость владели поэтом. Заканчивая пьесу, он готовился очертя голову ринуться сквозь карантины в Москву... Но мало, конечно, автору знать, чем должно быть окрашено его произведение. Нужно увидеть, подсмотреть желаемое в жизни — где же еще! До поэта доходит рассказ и о том странном, редком факте в бытовом плане, что связан с чудотворным образом из Арзамасского Алексеевского монастыря. К живописцу Василию Тюфилину пришел однажды безвестный человек и заказал икону. А позже так и не явился за ней.

Удивительно... для пьесы это же находка, это то, что хорошо «срабатывает» в сознании читателя! И вот к Моцарту, вспомним, тоже приходит неизвестный черный человек, заказывает реквием и не является за ним...

В творчестве Пушкина нет ничего случайного. Мы, нижегородцы, особенно внимательны к слову поэта. Нередко оно обращает нас к нашей истории, к знакомым именам и событиям, наконец, к тем догадкам, которые содержат под собой определенные, подчас очень веские реалии.

ПАМЯТЬ НАРОДНАЯ

В 1899 году Россия торжественно отмечала столетний юбилей со дня рождения великого национального поэта.

Открытие памятника Пушкину работы скульптора А. М. Опекушина на Страстной площади в Москве в 1880 году, речи писателей И. С. Тургенева, И. С. Аксакова и Ф. М. Достоевского на заседаниях Общества любителей русской словесности окончательно утвердили Пушкина родоначальником русского искусства, гением национальной и мировой культуры.

В Нижнем Новгороде был установлен бюст поэта. Его именем назван сад. В театре состоялся юбилейный спектакль. Нижегородские краеведы хорошо пополнили биографическую Пушкиниану.

Народный праздник продолжался в уездах губернии.

Историк Арзамаса Н. М. Щегольков писал:

«... в день столетия рождения великого поэта, 27 мая 1899 года, устроен праздник древонасаждения. Учащиеся городских школ собрались на Соборной площади, а отсюда с флагами, при пении пушкинских стихов пошли по Сальниковой улице и далеко за город, где и состоялось насаждение Пушкинской рощи. Шествие, сопровождаемое множеством жителей Арзамаса, напоминало большой крестный ход. Во главе шествовал инициатор Ф. И. Владимирский, прочитавший перед началом древонасаждения молитву».

А вот как сообщала об этом событии газета «Нижегородские губернские ведомости»:

«На Соборной площади играет духовой оркестр пожарных охотников. Толпы публики заполняют площадь и углы ближних улиц... У городского училища выстраиваются в длинную колонну ученики четырех приходских школ и городского училища.

Громче заиграла музыка. Ученический хор запел: «Над Невою резво вьется...» Двинулась говорливая вереница к Сальниковой улице.

После перехода с полторы версты — до Рамзая — вышли в поле. Местность Пушкинской рощи чудесная, высокая. Вид во все стороны. С одной стороны виден Арзамас, с другой — виднеются, синеют леса. Организатор шествия Ф. Владимирский обошел место, трижды прокричал «ура», сотни фуражек черными птицами замелькали, подброшенныеверху малышами. Праздник затянулся до семи часов вечера».

В этот памятный для арзамасцев день дети сделали дважды доброе дело. Они высказали свою любовь к Пушкину и насадили деревьев там, где они в будущем должны были принести благо всем горожанам. Прото-

иерей Федор Иванович Владимирский, отдавший много лет изысканию подземных водотоков и сооружению водопровода в городе, писал, что исчезновение лесов и кустарников вокруг города все более сокращают Рамзайские источники, особенно ослабевшие после крайне засушливых 1890 и 1891 годов. Далее губернская газета писала:

«Чтобы сколько-нибудь восстановить упавшую силу источников, в 1899 году решено было отметить исполнившееся столетие со дня рождения А. С. Пушкина древонасаждением трудами школьников местных учебных заведений на рамзайской местности Пушкинской рощи. Роща эта расположена как раз на местности, откуда начинаются и протекают грунтовые потоки».

Федор Иванович Владимирский выступал не только инициатором посадки рощи, он еще и обдуманно разбил ее.

В плане, графически, она имела два круга аллей с прямыми заходами на все четыре стороны света.

Рачительные власти города назначили священника заведующим древо-насаждением «Пушкинская роща», охранникам рамзайских колодцев за

Пушкинская сосновая роща в Арзамасе, насажденная учениками школ города в столетнюю годовщину рождения великого поэта в мае 1899 года.

прибавку в жалованьи было вменено в обязанность беречь рощу от скота. Поднялись расходы на уход за рощей в 1905 году. В 1909 году заведующий городским хозяйством И. И. Крюков организует прореживание посадок сосны, тогда же углубляется ров вокруг них. И далее вплоть до 1917 года горожане не забывали о поднимающемся сосняке, делали все для его сохранности.

В тот юбилейный год арзамасцы не ограничились только насаждением рощи на Рамзае. В среде интеллигенции резко поднялся интерес к русской литературе, истории, ко всему тому, чем жива и крепка русская земля. В городском училище, женской гимназии, в начальных школах ребята писали сочинения на темы пушкинских произведений, декламировали стихи поэта, драматический кружок города поставил «Русалку», в библиотеках резко возрос спрос на книги Пушкина.

Благодарную любовь арзамасцев к поэту, пожалуй, наиболее полно выразил уроженец города Николай Григорьевич Вавин. В 1899 году, будучи студентом юридического факультета Московского университета, он опубликовал в «Нижегородских губернских ведомостях» стихотворение «Памяти Пушкина»:

*О, нет! Он не умер!
Не властна могила
Над жизнью такого певца,
Чья дивная муза нас пылко
учила
Отчизне служить до конца.
Чей голос в защиту
свободы народной
Открыто и смело звучал,
Чей светоч порою глухой,
непогодной
Зарею рассвета сиял.
Как прежде, он будит
живые стремленья,
К добру и участью зовет.
Врачует тревогу, смирят
волненья
И к истине манит народ.
И долго тот стих, то дитя
вдохновенья*

*Над Русью так будет
звучать,
И долго мы будем в немом
восхищеньи
Словам благодарно внимать!*

В советское время арзамасцы почтили А. С. Пушкина в 1930 году, когда его именем назвали одну из улиц города. Обоснованием этому послужила следующая мотивация, поданная в городской Совет:

«7. Слушали: Заявление группы гр-н г. Арзамаса, проживающих по Глухой улице с ходатайством о переименовании улицы «Глухая» в улицу «Пушкинская», в память поэта А. С. Пушкина, в основу чего кладут: неоднократное пребывание Пушкина в г. Арзамасе, с именем которого связано протестующее негодование против старого времени и лучшие надежды на светлое будущее и что улица Глухая была названа в царское время только потому, что ее, как окраину города, заселила исключительно бедняцкая рабочая часть города и кроме того из Глухой улицы ведет дорога в местную лесную дачу, так называемую «Пушкинскую рощу», а поэтому и название улицы «Глухая» вполне соответствовало бы названию улицы «Пушкинская».

Просьба трудящихся была уважена руководством города, тем более, что уже в дореволюционное время народ называл Глухую — Пушкинской.

В факте переименования улицы Глухой, кроме связи с насажденной Пушкинской рощей, несомненно отразилась, надо полагать, и память арзамасцев о стоявшем неподалеку на улице Новоplotинной доме Пушкиных.

... Приближалось столетие со дня гибели поэта. Страна широко отметила в 1937 году эту дату. Главным являлось увековечение в народе памяти о А. С. Пушкине, распространение его книг.

Работу возглавил в Арзамасском районе Пушкинский комитет. В феврале состоялись пленумы исполкомов сельских Советов, посвященные великому русскому поэту, прочитаны лекции, проведены литературные вечера. В семи крупных селах интересно прошли литературные конференции. В дни юбилея только колхозные библиотеки пополнились сочинениями Пушкина на две тысячи рублей.

10 февраля в Арзамасе состоялся митинг, в Доме соцкультуры (кинотеатр «Искра») прошел большой литературный вечер. Слово о Пушкине говорил нижегородский писатель Нил Бирюков. Собрались вечером в свой клуб и рабочие фабрики имени Буденного. Здесь состоялась демонстрация фильма «Дубровский». А в доме колхозника участники драмколлектива показали сцены из трагедии «Борис Годунов».

Белинский: «Мы прочли «Вечера на Карповке» с живейшим удовольствием, с живейшим наслаждением. И они — произведение женщины, но дай Бог, чтоб у нас было побольше мужчин, которые бы так хорошо писали».

За последние семьдесят лет восемь арзамасцев стали членами Союза советских писателей: это Иван Персонов, Аркадий Гайдар, Петр Мелибе-ев, Михаил Шестериков, Михаил Щургин, Александр Плотников, Николай Рачков, Петр Еремеев. Все они испытали на себе животворное влияние пушкинской поэзии. Она учила их и учит творческой работе, познанию мира, гражданскому возмужанию, служению своему народу.

Арзамасская Пушкиниана продолжается.

Поэт Александр Плотников — участник всех пушкинских праздников на болдинской земле, автор нескольких стихотворений о Пушкине, мудро увидел коренные истоки русской поэзии своего великого предшественника:

*Мерцающая просинь.
Деревья над прудом.
И желтый, словно осень,
Старинный барский дом.
Раздолье — только выйдешь,
Лишь ступишь в мир
с крыльца,
Такого не увидишь
Из царского дворца.
Дороги бесконечность,
Степь, ждущая зимы,
И мудрые, как вечность,
Молчащие холмы.
И реченьки Азанки
Хрустальное кольцо.
И крепостной крестьянки
Библейское лицо.
Березоньки босые,
Спаленное жнивье.
И все это — Россия,
И он — певец ее.*

К теплым, взволнованным словам арзамасских поэтов о Пушкине прилагает свои прекрасные работы заслуженный художник РСФСР Дмитрий Дмитриевич Арсенин, давно работающий над пушкинской темой. Она

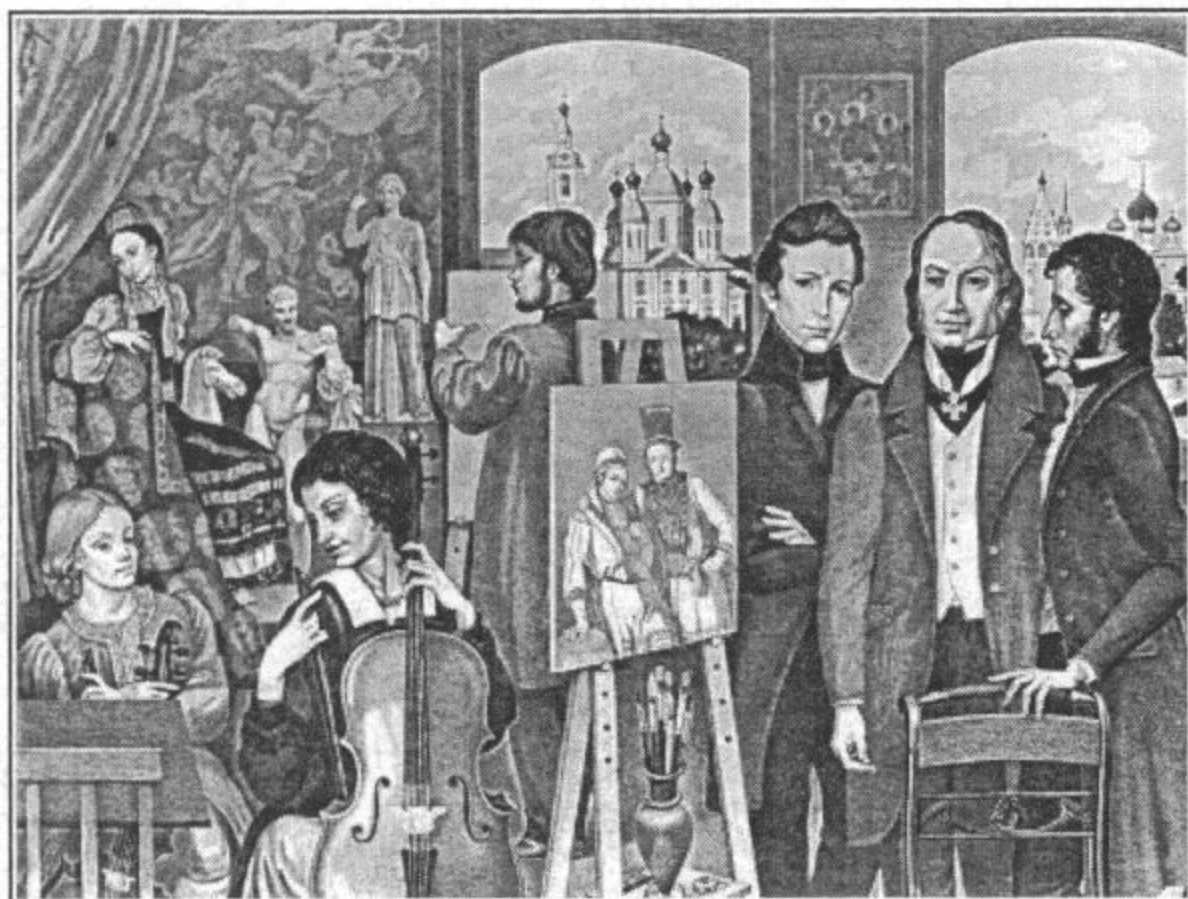
главенствует в его творчестве. Художник все чаще обращается к болдинскому периоду жизни поэта, к тем фактам его биографии, что непосредственно связаны с Нижним Новгородом, Арзамасом.

Три графических листка посвятил Д. Д. Арсенин показу А. С. Пушкина в Арзамасе.

«Базар. Арзамасская мадонна». Да, именно тут, на Щепном базаре, у часовни Спасского мужского монастыря, некогда и продавали разные деревянные изделия и казаковские горшки.

Второй лист — «А. С. Пушкин у Вильяновых». Работа тоже интересная, навеянная известной легендой.

И, наконец, сложная композиция, по населенности, по художественной наполненности работа «А. С. Пушкин в школе академика А. В. Ступина».

*А. С. Пушкин в Арзамасской школе живописи академика А. В. Ступина в 1830 году.
Заслуженный художник России Д. Д. Арсенин.*

... Полные мудрости, понимания, встретились два художника — мастер кисти и мастер слова. Оба со всей честностью и страстью служили родному искусству и потому не наскучили друг другу. Пушкин неторопливо осмотрел картинную галерею, работу великого Тициана, полотна

известных французских художников, его порадовали и картины лучших отечественных талантов из петербургской академии. Зашли в натуральный класс, и Ступин ведет свой взволнованный рассказ, а поэт внимательно слушает, и столько тихой серьезности на его умном, выразительном лице.

Прикосновение к животворному мирообъемлющему гению Пушкина всегда плодотворно, всегда оно вызывает рождение светлого, прекрасного. Постигая мир его сложных художественных образов, глубин его поэзии, мы постигаем и себя, свое достойное место в бесконечном потоке жизни.

Два века жизнь русского человека одухотворяется светом тех добрых чувств, которые своей звонкой лирой пробуждал великий поэт. Пушкин всегда современен, он является великой святыней для народов России.

Нижегородцы — историки, литературоведы, писатели, поэты, художники — весомо дополняют российскую Пушкиниану, которая возвышает всех нас и подвигает к высшему национальному идеалу.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

- «Арзамас» и арзамасские протоколы. Л., 1933.
- Веселовский С. Исследования по истории класса служилых земледельцев. М., 1926.
- Владимирский Ф., протоиерей. Записка об устройстве водосбора из источников «Мокрого оврага» в г. Арзамасе. Арзамас, 1915.
- Дивин В. А. Повесть о славном мореплавателе. М., 1976.
- Долгорукий И. М. Изборник. 1764—1823. М., 1919.
- Еремин А. Пушкин в Болдине. Горький, 1972.
- «Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками». Т. 2. М., 1987.
- Жукова М. С. Вечера на Карповке. М., 1986.
- Звенигородский Андрей. О пребывании Пушкина в Нижегородской губернии. «Московский пушкинист». М., 1930.
- Корнилов П. Е. Арзамасская школа живописи первой половины XIX века. М.-Л., 1947.
- Краткая литературная энциклопедия. Т. 6., 1971. «Романтизм».
- Куприянова Н. И. К сему: Александр Пушкин. Горький, 1982.
- Левина Ю. Пушкинское Болдино. Горький, 1970.
- Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910.
- Орлов С. А. Болдинская осень. Горький, 1962.
- «Очерки истории Арзамаса». Горький, 1981.
- «Предания и песни болдинской старины». Горький, 1972.
- Пушкин А. С. «Начало автобиографии». В кн.: «России первая любовь». М., 1993.
- Пушкин А. С. Сочинения. Т. 6. «История пугачевского бунта». СПб., 1859.
- Пушкин, Василий. Стихи. Проза. Письма. М. 1989.
- Трубе Л. Остров Буян. Горький, 1987.
- Щегольков Н. М. Арзамасский Воскресенский собор. Арзамас, 1909.
- Щегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

- «Арзамасская правда», 1937. №№28, 34—36, 39—40.
«Арзамасская правда». 1976. 20 декабря.
Афанасьева З. Отец Пушкина в Арзамасе. «Арзамасская правда», 1989, 22 июля.
Ашешов Н. У современницы Пушкина. «Курьер», 1899. 9 февраля.
Бутусов М. Н. А. С. Пушкин в Лукоянове. «Записки краеведов». Горький, 1981.
Власов И. Пушкин и карантин. Журн. «Пламя», 1936, №10.
Горностаев И. М. Об академии Ступина. «Отечественные записки». 1827. Ч. XXXII, №90.
«Записки краеведов». Горький, 1973, 1975, 1977, 1979, 1983, 1985.
«Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии» /ДНГУАК/. Т. 5, с. 15; Т. 8, с. 47; Т. 12, вып. 1, с. 70; Т. 13, вып. 3, с. 57.
«Казанский вестник». 1814. Т. 17.
Назимов М. В провинции и Москве. «Русский вестник». 1876, июль.
«Нижегородские губернские ведомости» Часть неоф., 1866, №34; 1899, №№22, 24; 1900, №22.
Чайковский Евгений. Житие Февронии Болдинской. «Горьковская правда». 1990, февраль.
Чернышев В. Пушкин и Вилянова. «Звенья», 1936, №6.
Щукинский сборник. М., 1904, вып. 3.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- ГАГО /А/ Ф. 33, Р-322, оп. 1, д. 109, л. 171.
ГАГО /А/ Ф. 33, оп. 2, д. 75 /103/ л. 18
ГАГО /А/ Ф. 33, оп. 2, д. 157, л. 226.
ГАГО /А/ Ф. 91, оп. 1, д. «Мастерская», л. 51.
ГАГО /А/ Ф. 33, оп. 2, д. 75, л. 61—77.
ГАГО /А/ «Метрическая книга Арзамасской Ильинской церкви за 1899 год».
ГАГО /А/ Ф. 58, оп. 1, д. 2.
ГАГО /А/ Ф. 4, оп. 2, л. 188—215.
ГАГО /А/ Ф. 56, оп. 1, д. 18.

СОДЕРЖАНИЕ

В Арзамасском уезде, в Залесском стану.	3
Первое знакомство.	8
Три осени.	15
Нечаянная встреча.	24
Старые предания.	26
Рождение легенды.	32
Из флигеля Виляновых.	40
И предстали перед поэтом...	49
Доживала в Арзамасе.	55
За строкой Пушкина.	59
Память народная.	65
Бibliография.	73

Технические редакторы: М. В. Шабашова, Т. М. Лоськова.

Корректоры: С. Е. Орлова, М. В. Кудашова.

Компьютерная верстка: А. В. Александров.

Набор компьютерный. Печать офсетная. Формат 60×84/16.
Объем 4,75 п. л. Заказ 566. Тираж 1000.

ОАО «Арзамасская типография».
607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. Пландина, 8.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

